

Тьма падет

Автор:

Роберт Брындза

Тьма падет

Роберт Брындза

Кейт Маршалл #3Новый мировой триллер

Детективное агентство Кейт Маршалл приобретает все большую популярность, когда ее и ее партнера Тристана нанимают для расследования преступления, совершенного более десяти лет назад. Двенадцатью годами ранее решительная молодая журналистка по имени Джоанна Дункан раскрыла политический скандал, который имел серьезные последствия. Но сама журналистка бесследно пропала, не оставив после себя и следа.

Когда Кейт и Тристан изучают материалы дела, они обнаруживают имена двух молодых людей, которые также исчезли в то время. Постепенно они расследуют последние дни их жизни и понимают, что Джоанна, возможно, натолкнулась на нечто гораздо более злое, чем кто-либо сначала думал: личность серийного убийцы, охотящегося на людей, в те времена наиболее уязвимых в обществе.

Роберт Брындза

Тьма падет

Роман

Robert Bryndza

Darkness Falls

* * *

Печатается с разрешения United Agents LLP and The Van Lear Agency LLC

© Raven Street Ltd 2021

© Коложвари, М., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Пролог

Суббота, 7 сентября 2002 года

Джоанна Дункан вышла из офиса, пригнула голову, пряча лицо от дождя, и припустила через дорогу. Дождь – это неплохо, подумал мужчина, следящий за ней сквозь ветровое стекло автомобиля. Когда идешь, опустив голову и выставив вперед зонтик, времени смотреть по сторонам не остается.

Двигалась Джоанна быстро, и вот уже спустя мгновение она решительно шагала вдоль улицы Динсгейт, направляясь к автомобильной парковке у торгового центра. Джоанна была невысокой девушкой, коренастой и крепко сбитой. Черты лица у нее были резкими, даже немного грубоватыми, на плечи спускались волнистые светлые волосы. Она была по-своему красива: наверное, так могла бы выглядеть богиня войны, очутись она в современном мире. Ее стиль одежды только усиливал впечатление: длинное тяжелое пальто черного цвета и высокие ковбойские сапоги.

Мимо проехал автобус, окатив машину грязной водой из лужи, и на миг мужчина потерял Джоанну из вида. Он быстро включил дворники и легко нашел свою цель, когда ветровое стекло стало чуть почище: Джоанна была уже около автобусной остановки и сейчас проходила мимо выстроившихся в очередь людей.

Он снялся с места и медленно выехал с парковки.

На часах было пять сорок. Магазины, которыми изобиловала улица, закрывались: кто-то уже ушел домой, а кто-то еще прибирался перед концом смены. Вот автобус подъехал к остановке. Дождавшись, пока Джоанна будет проходить мимо, мужчина прибавил газу, используя автобус в качестве прикрытия.

Обшарпанной парковке, к которой так спешила Джоанна, жить оставалось совсем недолго, и никто ею почти уже никто не пользовался. Почти никто, кроме Джоанны, и на то было две причины: парковка располагалась ближе всех к офису Джоанны и ее невероятное упрямство. Жаловаться было не на что: именно из-за этой ее черты характера ему и удалось так хорошо все спланировать.

Когда он свернул на парковку, Джоанна все еще была у автобуса, так что у него было полно времени, чтобы добраться до места. Пандус, извиваясь, привел его на третий этаж, где в одиночестве стоял синий «Форд Сиерра», принадлежащий Джоанне. Он огляделся. Света почти не было, а сквозь незастекленные оконные проемы внутрь хлестал дождь, оставляя на бетонном полу грязные потеки.

Чувствуя подступившее от бесконечных поворотов головокружение, он припарковал машину, выбрав место неподалеку от лифта. Рядом вилась бетонная лестница. Лифт, как ему было известно, давно не работал, так что Джоанне придется подниматься пешком.

Заглушив мотор, он выбрался из машины и поспешил к окну. Вот и Джоанна: она уже переходит дорогу и вот-вот войдет в здание парковки.

Мужчина торопливо вернулся обратно к машине, открыл багажник и достал черный пластиковый пакет.

Шла Джоанна быстро: он едва-едва успел подготовить пакет, как на лестнице зазвучали шаги. Времени у него было в обрез, и как следует продумать действия он не успевал, так что просто встал у лестницы, прячась за стеной. Как только Джоанна преодолела последнюю ступеньку и шагнула на залитый бетоном пол, мужчина ловко натянул ей на голову пакет. В следующий момент он уже рванул Джоанну на себя и туго затянул ручки пакета вокруг ее шеи.

Джоанна пронзительно вскрикнула, с трудом удерживаясь на нетвердых ногах. На пол со стуком упала выпущенная из рук сумка. Мужчина с усилием затянул пакет еще сильнее. Пластик лип к коже, пузырем надуваясь у носа и рта: Джоанна отчаянно силилась сделать хоть глоток воздуха.

Он вцепился ей в волосы, затягивая пакет изо всех сил, и Джоанна сдавленно застонала.

Порыв ветра швырнул ему в лицо капли дождя. Джоанна хрипела и кашляла, отчаянно пытаясь прорвать толстый пластик ногтями. Сражалась за свою жизнь она отчаянно, и несмотря на разницу в росте, удерживать ее на месте было все труднее.

Его всегда изумляло, как долго человек может продержаться без кислорода. В сериалах такого не показывают: там все умирают быстро, чтобы не отнимать слишком много экранного времени.

Спустя минуту бесплодных попыток сорвать с себя пакет Джоанна сменила тактику и перешла в атаку. Первые два тяжелых удара пришлись на ребра, от третьего, нацеленного в пах, ему удалось уклониться.

По спине градом катился пот. Мужчина освободил одну руку, нашарил горло Джоанны и оторвал ее от пола, поднимая в воздух. Край пластикового пакета врезался в шею, словно петля, окончательно лишая доступа кислорода.

Джоанна несколько раз вслепую лягнулась, затем издала прерывистый стон и, в последний раз дернувшись, обмякла.

Он подержал ее еще немного, а затем разжал пальцы, и тело Джоанны безвольно рухнуло на пол, глухо ударившись о бетон.

Весь мокрый от пота, мужчина с трудом перевел дыхание, затем гулко откашлялся. Звук прокатился по парковке, эхом отразившись от голых стен. Остро пахло мочой и плесенью.

Холодный ветер, задувающий в окна, постепенно остудил его разгоряченную кожу. Оглянувшись по сторонам, он опустил на колени, завязал узлом пакет на шее Джоанны и поволок ее к машине. Там он положил тело у стены, укрывая его от случайных глаз за боком своего автомобиля, и открыл багажник. Затем взял безжизненную Джоанну на руки – одна ладонь придерживает под коленями, другая обвивает плечи, словно жених, несущий невесту к алтарю. Он аккуратно уложил Джоанну в машину, прикрыл одеялом и захлопнул багажник. Выпрямляясь, он вдруг с ужасом понял, что сумка Джоанны все еще лежит у лестницы, и поспешно подобрал ее, чтобы закинуть в машину. Уже сев за руль, мужчина проверил содержимое: ноутбук, ежедневник, мобильный телефон. Первым делом он просмотрел список вызовов, затем – историю сообщений. Узнав все, что нужно, он выключил телефон и тщательно протер его куском ткани, а затем снова выбрался наружу. Добравшись до машины Джоанны в несколько быстрых размашистых шагов, он наклонился и положил телефон под кузов.

Потом он внимательно осмотрел пол, подсвечивая себе фонариком: не оставил ли он каких-нибудь следов? Может, Джоанна что-то обронила во время их ожесточенной схватки?

Все было чисто.

Он вернулся к машине, сел за руль и посидел так немного, собираясь с мыслями.

И что теперь? Она должна исчезнуть бесследно, вот что. Нужно избавиться от тела. От компьютера. От всех возможных улик, указывающих на ДНК.

Его посетила идея. Идея рискованная и самонадеянная, но если все получится...

Он завел двигатель, и машина, заурчав, сорвалась с места.

Тринадцать лет спустя

Вторник, 5 мая 2015 года

– И во сколько обойдется его починить? – спросила Кейт Маршалл. Дерек – мужчина в возрасте, уже много лет работающий мастером по ремонту, неспешно измерял рулеткой сломанное окно. Стояли они рядом с трейлером марки «Эйрстрим», старым, еще 1950 года выпуска. Его блестящие алюминиевые бока ослепительно сияли в ярком свете утреннего солнца, на закругленной крыше плясали солнечные зайчики. Сощурившись, Кейт опустила на нос темные очки.

– Окна здесь круглые, – произнес Дерек с сильным корнуэльским акцентом и словно в доказательство своих слов постучал кончиком рулетки по оконной раме. – Такие чинить дорого.

– Насколько дорого?

Дерек замолчал и шумно вздохнул, затем покатал во рту зубной протез. На обдумывание любого вопроса у него уходило немыслимое количество времени, и Кейт ни разу не видела, чтобы он сразу нашелся с ответом.

– Пять сотен.

– А Мире вы починили такое окно за две сотни, – заметила Кейт.

– У нее времена тяжелые были. Рак опять же. И эти круглые окна – с ними уйма возни. Видите, ручка встроена прямо в стекло.

Мира была ее близкой подругой в течение долгих девяти лет. Восемнадцать месяцев назад она умерла, и ее смерть стала для Кейт большим потрясением.

– Я признательна, что вы помогли Мире, но пятьсот фунтов – это слишком дорого. Я лучше найду другого мастера.

Дерек снова принялся перекачивать зубной протез с места на места – Кейт даже разглядела его розовый краешек, мелькнувший между неплотно сжатых губ.

Она сняла очки и посмотрела Дереку прямо в глаза.

– На это уйдет где-то неделя – нужно вырезать стекло по размеру и все подготовить. Сойдемся на двухсот пятидесяти.

– Спасибо.

Дерек поднял с земли свою сумку с инструментами, и они покинули трейлерную стоянку и зашагали по холмистой дороге вниз, к дороге. Всего трейлеров было восемь, самых разных моделей – от новенького белого, покрытого виниловой пленкой, до самого старого цыганского фургончика, выкрашенного в выцветший красно-зеленый цвет. Сдавали их серферам, приезжавшим отдохнуть на выходные. В каждом трейлере были пара комнат и маленькая кухня, в некоторых – тех, что поновее, – имелась и ванная комната. Жить в трейлере, конечно, не верх роскоши, но популярностью это место все равно пользовалось – аренда обходилось недорого, к тому же стоянка находилась всего в нескольких минутах ходьбы от пляжа. А пляж тут был отличный – одно из лучших мест для серфинга в окрестностях Девона и Корнуолла. До начала туристического сезона осталась всего неделя, и в воздухе уже повсюду пахло весной. С чистого голубого неба светило яркое солнце, и листья уже распустились, трепеща на ветру.

Они дошли до лестницы, ведущей к дороге. Кейт подала было Дереку руку, чтобы помочь спуститься вниз по бетонным ступенькам, но он проигнорировал ее жест и, болезненно морщась, медленно заковылял вниз самостоятельно. Сгрудив сумку в багажник машины, Дерек повернул голову к Кейт, внимательно изучая ее пристальными голубыми глазами.

– Ты, наверное, сильно удивилась, когда Мира оставила тебе в наследство дом и весь бизнес.

– Да уж.

– А сын ее остался ни с чем... – Дерек сокрушенно покачал головой. – Знаю, что отношения у них были не слишком хорошие, но все же... Кровь-то не водица.

Завещание Миры и впрямь оказалось большим сюрпризом. Ее сын был в бешенстве – как, впрочем, и его жена, не говоря уже о том, сколько сплетен и оскорбительных замечаний Кейт пришлось выслушать от всех соседей в округе.

– Мой телефон у вас есть. Позвоните, когда стекло будет готово, – перевела тему Кейт. Обсуждать Миру она была не намерена.

Раздосадованный Дерек, явно надеявшийся услышать что-нибудь новенькое, отрывисто кивнул и сел в машину. Вскоре дряхлый автомобиль сорвался с места, обдав Кейт облаком густого черного дыма.

Пока она откашливалась и вытирала выступившие на глаза слезы, вдали раздался звонок телефона, так что Кейт перебежала дорогу и поспешила к приземистому квадратному зданию – именно там она оставила свой мобильный. На первом этаже дома находился магазинчик, в котором постояльцы трейлерной стоянки могли купить всякие нужные мелочи – сейчас, впрочем, магазин все еще был закрыт на зиму. Взлетев по ступенькам на второй этаж, Кейт вошла в маленькую квартиру. Раньше здесь жила Мира, а после ее смерти Кейт устроила рабочий офис.

Окна выходили не на дорогу, а на океан. Как раз начался отлив, и под солнцем блестели влажные темные камни, облепленные водорослями и морскими ракушками. Чуть правее возвышались скалы, обрамляющие край залива, а уже за ними – университетский городок Эшдин, хорошо различимый в ярком утреннем свете.

Только Кейт подошла к столу, как телефон замолчал. Номер был незнакомый, и код города она видела впервые. Кейт была уже готова положить телефон на стол, как на экран выскочило оповещение: получено голосовое сообщение на автоответчик.

– Здравствуйте... – нервный, прерывистый голос принадлежал пожилой женщине. Говорила она с корнуэльским акцентом. – Я нашла ваш номер в сети... Видела, что у вас есть небольшое детективное агентство... Меня зовут Бев Эллис. Я звоню по поводу моей дочери, Джоанны Дункан. Она была журналисткой. Пропала почти тринадцать лет назад... Просто бесследно испарилась. Полиция так и не смогла узнать, что с ней стало. Но она исчезла, понимаете? Она не могла сбежать. Не от чего ей было бежать, у нее все было

хорошо. Я хочу нанять частного детектива и наконец узнать, что с ней случилось. Что с ее телом... – Голос ее окончательно сорвался, и она глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. Кейт услышала, как женщина тяжело сглатывает. – Пожалуйста, перезвоните, когда сможете.

Кейт переслушала запись снова. Голос Бев звучал так, что становилось ясно: ей долго пришлось набираться храбрости, прежде чем она решилась на этот звонок.

Первым делом Кейт решила поискать в интернете про этот случай, но, открыв ноутбук, замешкалась. Пожалуй, ей стоит перезвонить прямо сейчас. В Эксетере, городе неподалеку, есть как минимум два детективных агентства – с долгой историей существования, дорогими сайтами и приличными офисами. Возможно, Бев лучше позвонить туда.

Кейт набрала ее номер. К телефону подошли тут же, и голос у женщины все еще дрожал. Кейт поздоровалась, извинилась за пропущенный звонок и принесла искренние соболезнования по поводу гибели ее дочери.

– Спасибо вам, – проговорила Бев.

– Вы живете рядом? – спросила Кейт, быстро вбивая в строке поиска: «Джоанна Дункан исчезновение».

– В Сальcombe. Где-то в часе езды от вас.

– Красивый город, – заметила Кейт, проглядывая результаты поиска. Вот две статьи за сентябрь 2002 года, вышедшие в «Вест-Кантри Ньюс»:

«Трагическое исчезновение местной журналистки в самом центре Эксетера. Разбитая горем мать ищет свидетелей».

И: «Куда подевалась Джо?»

Телефон нашли рядом с ее машиной на парковке Динсгейта».

А вот статья из журнала «Сан»:

«Бесследно исчезла журналистка из Вест-Кантри».

– Я живу со своим партнером, Биллом, – продолжила Бев. – Мы вместе уже много лет, но съехались только недавно. Раньше я жила в муниципальном районе на окраине Эксете́ра... Разница, конечно, разительная.

Взгляд Кейт зацепился за еще один заголовок статьи, вышедшей первого декабря 2002 года. В ней сообщалось, что Джоанну не могут отыскать вот уже почти три месяца.

Почти во всех статьях фотография Джоанны была одна и та же: пляж, синее небо и белоснежный песок. У нее были ярко-голубые глаза, высокие скулы и длинный орлиный нос. Широкая улыбка обнажала чуть крупноватые передние зубы. За левым ухом Джоанны красовалась красная гвоздика, а в руках она держала половинку кокоса с воткнутым в нее коктейльным зонтиком.

– Вы сказали, Джоанна была журналисткой? – спросила Кейт.

– Да. Работала в «Вест-Кантри Ньюс». Часто ездила по работе в командировки. Мечтала переехать в Лондон и работать на крупные таблоиды. Только что вышла замуж... Джо и ее муж, Фред, хотели завести детей... Она пропала в субботу, седьмого сентября. Джо поехала по работе в Эксетер и вышла из офиса где-то в половину шестого. Коллеги видели, как она уходила. От редакции до парковки не больше полукилометра, но что случилось с ней по дороге, никто не знает. Она словно испарилась... Ее машину мы нашли на парковке там же, где она ее и оставила, телефон лежал прямо под ней. Полиция ничего сделать не смогла. Подозреваемых у них не было. Они почти тринадцать лет занимались бог весть чем, а затем вдруг позвонили мне на прошлой неделе, чтобы сказать, что спустя двенадцать лет они решили закрыть это дело. Они сдались и не собираются больше искать Джо. Но я должна узнать, что с ней случилось. Я знаю, что скорее всего она мертва, но я хочу найти ее и достойно похоронить. Я прочитала о вас статью в «Нэшнл Джеографик» о том, как вы нашли тело девушки, которую не могли отыскать целых двенадцать лет... А затем я поискала вас в интернете и увидела, что вы открыли собственное детективное агентство. Правда ведь?

– Да, – признала Кейт.

– И мне нравится, что вы женщина. Мне столько лет пришлось иметь дело с полицейскими-мужчинами, которые пытались меня опекать. – Голос Бев зазвенел от раздражения. – Можем мы встретиться? Я могу приехать к вам в офис.

Кейт оглядела то, что с некоторой натяжкой могло сойти за «офис». Приемную они устроили в комнате, которая раньше была гостиной Миры. На полу все еще лежал старый ковер родом из семидесятых, а вместо рабочего стола они использовали раскладной обеденный. Вдоль одной из стен расположились ряд бутылок с дезинфицирующим средством для унитазов и пачки туалетной бумаги – поставить эти необходимые для трейлерной стоянки вещи больше было некуда. Рядом висела большая пробковая доска с пришпиленной к ней запиской: «ТЕКУЩИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ», но больше ни одной записи на ней не было. В последний раз их наняла одна фирма – проверить прошлое нового соискателя, пришедшего занять свободную вакансию, и с тех пор никто к ним так и не обратился.

Когда Мира оставила все свое имущество Кейт, в завещании значилось условие: она должна уйти с работы и заняться своей главной мечтой: организовать детективное агентство. И они работали вот уже девять месяцев, но дела, честно говоря, шли туго.

– Давайте лучше мы с моим коллегой Тристаном заедем к вам? – сказала Кейт.

Они с Тристаном Харпером управляли агентством вместе, но сегодня он был занят своей другой работой. Три дня в неделю Тристан работал научным сотрудником в Университете Эшдина.

– Да, о Тристане я в «Нэшнл Джеографик» тоже читала... Ну, завтра я свободна. Но у вас, наверное, расписание уже забито?

– Я поговорю с Тристаном, сверюсь с нашим расписанием и перезвоню, – предложила Кейт.

Затем она завершила звонок и с колотящимся в предвкушении сердцем отложила телефон в сторону.

Глава 2

В то самое время, как Кейт прощалась с Бев Эллис, Тристан Харпер сидел в офисе своей сестры. Работала она в банке «Барклайс», что стоит на Хай-стрит.

– Ладненько. Давай уже с этим закончим, – сказал Тристан и подвинул к ней папку, в которой лежало заявление на ипотеку. Желудок тревожно скрутило.

– Ты о чем?

– Я про весь этот допрос о моем финансовом положении.

– Мне вот интересно, если бы твою заявку рассматривал чужой человек, ты бы тоже это надел? – спросила Сара, переведя пристальный взгляд с папки на самого Тристана.

– Я в этом на работу хожу, – ответил он, оглядывая свою белую футболку, джинсы и кроссовки.

– Для банка, знаешь ли, немного неформально, – заметила она и одернула элегантный серый жакет и голубую блузку. Саре было двадцать восемь – на три года больше, чем Тристану, но иногда ему казалось, что она старше на все двадцать лет.

– Что-то я не заметил у банкомата очереди из людей, одетых в костюм-тройку. А эти кроссовки, между прочим, – лимитная линейка «Адидаса».

– И сколько же они стоили?

– Прилично. Считай, это инвестиция в будущее. Разве они не прекрасны? – Тристан ухмыльнулся, и Сара закатила глаза.

– Кроссовки классные, – все же согласилась она.

Тристан был высок, мускулист и худощав. Предплечья у него были сплошь покрыты татуировками, и еще одна, в виде орла, была видна в ворота футболки. Тристан и Сара были похожи – одинаковые добрые глаза орехового цвета, одинаковые каштановые волосы. Только волосы Тристана свободно вились, спадая на его плечи буйной гривой, а Сара стягивала свою прическу в тугой хвост и безжалостно выпрямляла кудри утюжком для волос.

В стеклянную дверь кабинета постучались, и спустя мгновение в комнату вошел невысокий лысеющий мужчина, одетый в деловой костюм.

– Ну что, к допросу уже приступили? – весело спросил он. – Представляешь, она хотела раздобыть лампу, чтобы можно было светить тебе в лицо!

Это был Гарри – муж Сары, а по совместительству – руководитель этого банковского филиала. Тристан немедленно встал со стула, и они заключили друг друга в приветственные объятия.

– Гарри! Перестань дурачиться, – возмутилась Сара. Улыбку, впрочем, она сдержать не смогла. – Я задам ему те же самые вопросы, что и любому другому кандидату на ипотеку.

– Только посмотри, какую ты шевелюру отрастил! Жаль, мои волосы так уже не вырастут, – и Гарри похлопал себя по лысеющей макушке.

– Мне больше нравилось, когда у него были короткие волосы, – отметила Сара.

– Будешь кофе, Трис?

– С удовольствием.

– И мне, пожалуйста, черный. Спасибо, Гарри, – сказала Сара. Он вышел, и тогда Сара вернулась к просмотру заявки. Пролистав страницы, она тяжело вздохнула.

– Что? – спросил Тристан.

– Я просто увидела, как мало ты стал зарабатывать, когда перешел на неполную ставку в университете, – ответила Сара, горестно качая головой.

– У меня тут есть трудовой контракт с агентством, и вот еще новый арендный договор, – указал Тристан. Сара достала из папки нужные документы и хмуро их просмотрела.

– И как много у Кейт для тебя работы?

От внимания Тристана не ускользнуло, что имя Кейт было произнесено с особой интонацией. Эту интонацию его сестра всегда использовала, когда говорила о женщинах, которые ей не нравились.

– Я вложился в агентство и являюсь его полноправным партнером, – ошетинился Тристан. – Нам обоим платят зарплату вне зависимости от количества работы. В трудовом контракте все указано.

– И что, есть у вас сейчас какая-то работа? – спросила Сара, не сводя с него глаз.

– Нет, – помедлив, признался он. Сара неодобрительно приподняла брови, но к изучению документов вернулась молча. Тристану, конечно, хотелось сказать что-нибудь в свою защиту, но вот чего ему не хотелось, так это начинать еще один бессмысленный спор. Они с Кейт основали детективное агентство девять месяцев назад, и за все это время у них было всего четыре дела. Были две женщины, которые просили проследить за мужьями и найти доказательства измены. Был владелец компании, занимающейся поставками офисной канцелярии – ему нужно было узнать, не ворует ли кто его из сотрудников продукцию. Виновницу они нашли быстро. И последнее дело было от директора одной фирмы – эта леди хотела получить подробную биографию нового сотрудника, которого намеревалась нанять.

У порога возник Гарри – руки у него были заняты подносом с пластиковыми чашечками для кофе, и теперь он безуспешно пытался повернуть дверную ручку локтем. Тристан встал, чтобы прийти ему на помощь.

– Доход у агентства крайне нерегулярный, и никакого вычета налогов вы еще не получили, – сказала Сара. Она держала контракт детективного агентства Кейт Маршалл за самый уголок, двумя пальцами, словно это был не лист бумаги, а грязные подгузники.

Гарри поставил поднос с исходящим паром кофе на стол.

– Агентство получает доход еще и с трейлерной стоянки, – заметил Тристан.

– То есть когда вы не работаете детективами, Кейт заставляет тебя менять постельное белье и выливать содержимое биотуалета?

– Мы этот бизнес вместе начали, Сара. Конечно, какое-то время уйдет, чтобы подняться на ноги. К тому же через пару недель на каникулы вернется сын Кейт, Джейк. Летом он будет нам помогать с трейлерной стоянкой.

Сара молча покачала головой. Кейт ей никогда не нравилась, а с тех пор, как Тристан ушел с постоянной работы в университете и занялся их свежее испеченным детективным агентством, ее неприязнь вышла на новый уровень. Послушать ее, так Кейт чуть ли не силком уволокла Тристана из университета, лишив его хорошей работы и достойной зарплаты.

Он сам тем временем считал Кейт близким другом и отличным деловым партнером, и было бы неплохо, чтобы Сара наконец-то с этим смирилась. Кейт же, в свою очередь, поступала тактично и ни разу не сказала ни одного дурного слова о его сестре, но вот Сара чуть что не упускала случая обвинить ее во всех мыслимых и немыслимых бедах. Тристан, конечно, понимал – она просто пытается его защитить. И это немудрено – их отец ушел, когда они были еще совсем маленькие, а мать умерла, когда Саре было восемнадцать, а самому Тристану – пятнадцать. Ей пришлось зарабатывать им на хлеб самой, да еще и заботиться о младшем брате.

– У тебя же теперь жилец есть, да, Трис? – вклинился Гарри, пытаясь разрядить обстановку. – Так что дополнительная прибыль имеется.

– Ага. Там лежит договор на сдачу аренды в собственность, – подтвердил Тристан.

– Как там поживает твой йети? – спросил Гарри. Тристан улыбнулся: его новый жилец, Гленн, был с ног до головы покрыт густыми черными волосами. Как будто этого было мало, он себе еще и роскошную бороду отпустил.

– Хороший парень. Очень аккуратный, почти все время сидит себе в своей комнате. Разговариваем мы нечасто.

– В общем, не твой типаж, да?

– Нет, мне нравятся парни, у которых больше одной брови.

Гарри рассмеялся, заставив Сару снова поднять глаза от документов.

– Гарри. Раз Тристан ушел с полной ставки в университете, с его текущим доходом будет сложно оформить рефинансирование.

Гарри обошел стол и ласково положил ей руку на плечо.

– Дай-ка я посмотрю. Сейчас немножко пошаманим и все устроим, – сказал он. Сара уступила ему кресло, и Гарри углубился в бумаги.

– Тебе повезло, что твой зять – руководитель банка, – заметила Сара. Тут у Тристана зазвонил телефон. На экране высветилось имя Кейт, и это, кажется, не осталось незамеченным. – Кто тебе звонит? У нас тут важный разговор.

– Это Кейт. Я сейчас вернусь, – и с этими словами Тристан выскользнул из кабинета. За спиной раздался голос Сары:

– У Кейт-то все в порядке. У нее никакой ипотеки нет...

Окончание фразы обрезала закрывшаяся дверь.

– Привет, – поздоровался Тристан, приняв вызов. – Погоди. Я сейчас в банке. – Он пробрался мимо толпы, выстроившейся в очередь к кассе, прошел через фойе и наконец очутился на улице.

– Как твои успехи? – спросила Кейт.

– Сара и Гарри пытаются разобраться.

– Может, мне попозже перезвонить?

– Нет, все в порядке.

Радостно взволнованная Кейт рассказала ему о разговоре с Бев Эллис.

– То есть если мы раскроем этот висяк, о нас могут написать в прессе?

– Именно. Но пока не представляю, как это сделать. Исчезновение Джоанны Дункан даже по телевидению обсуждали, пытались получить помощь свидетелей и экспертов, но ничего не нашли даже за двенадцать лет.

– Думаешь, эта Бев может позволить себе долгосрочное расследование?

– Не знаю. Я немного поискала в интернете и нашла, что пресса в свое время подняла шумиху из-за того, что она мать-одиночка с низким доходом, потерявшая дочь.

– Вот как.

– Но это газеты, а ты знаешь, как они вечно все перевирают. Недавно Бев переехала в Салькомб и съехала со своим парнем. Дом у них в крайне дорогом районе. Я хочу завтра с ними встретиться, ты не против?

– Конечно, поехали.

Они попрощались, и Тристан сунул телефон в карман. Радоваться пока было рано, но все же легкое чувство предвкушения в его душе зародилось.

Только он обернулся, намереваясь вернуться в банк, как из дверей вышла Сара.

– Теперь ты должен Гарри кружку пива, – сказала она, складывая руки на груди, чтобы защититься от холодного ветра, забирающегося под одежду. – Рефинансирование ипотеки тебе одобрили, да еще и с куда более выгодным процентом на пять лет вперед. Сохранишь восемьдесят футов в месяц.

– Отлично, – облегченно выдохнул Тристан, сжимая сестру в объятиях. – Спасибо, сестренка.

– Чего хотела Кейт?

– У нас появилось новое дело – найти пропавшего человека. Завтра поедем на встречу с клиенткой.

Улыбнувшись, Сара кивнула.

– Это хорошо. Слушай, Трис, мне не нравится с тобой ссориться. Я просто не хочу, чтобы у тебя были проблемы. Я обещала маме, что буду о тебе заботиться. И эта квартира, которую я купила... В нашей семье раньше ни у кого никогда не было недвижимости, понимаешь? Так что пожалуйста, убедись, что ты сможешь выплачивать ипотеку.

– Я знаю. Конечно, смогу.

– Вот выплатишь кредит, и квартира станет твоей насовсем. Парни на тебя так и будут вешаться.

– А может, это я встречу какого-нибудь симпатичного миллионера, на которого нужно вешаться?

Сара придирчиво осмотрела улицу. Ни один из идущих по тротуару людей на миллионера, мягко говоря, не тянул – скорее напротив.

– А ты много миллионеров в Эшдине видел?

– Ну, Эксетер довольно близко...

Сара со смехом закатила глаза.

– А где вы завтра встречаетесь с клиенткой?

– Салькомб. Живет в большом доме с видом на побережье.

– Ну что ж. Оплата у вас, насколько я помню, почасовая. Так что не спешите там особо, договорились?

Глава 3

Спалось Кейт плохо: всю ночь она только и могла думать, что о предстоящей встрече. Интересно, а в другие детективные агентства Бев Эллис обращалась? И как много информации она нашла о Кейт? Все данные о работе агентства лежали в сети. Один щелчок мышки – и вся правда об ее востребованности как детектива станет очевидна.

Кейт заворочалась в постели. Воспоминания о прошлых неудачах лезли в голову сами собой. В самом начале своей карьеры, когда она еще жила в Лондоне, Кейт работала в столичной полиции. Тогда-то она и обнаружила, что ее коллега, старший офицер Питер Конвей, изнасиловал и убил четырех девушек. Более того: Кейт с ним встречалась и даже была беременна его ребенком. Дело это ей раскрыть, конечно, не помешало, но городские таблоиды вцепились в эту сенсацию с бульдожьей хваткой. Скандал поднялся невообразимый, и ее карьере пришел конец. Этот удар Кейт перенесла тяжело и со временем пристрастилась к алкоголю – и в конце концов все закончилось тем, что родителям Кейт отдали опеку над ее сыном, Джейком. Ему было всего шесть.

Тогда она и переехала на южное побережье, надеясь начать жизнь сначала, и все следующие одиннадцать лет работала в Университете Эшдина лектором по криминологии.

Все эти годы Мира была тем человеком, на которого она всегда могла опереться. Мира привела ее в группу анонимных алкоголиков, Мира поддерживала ее и помогала справиться с грузом проблем. Теперь Кейт чувствовала, что должна сделать все, чтобы агентство продолжало жить – не только ради себя, но и ради Мира.

В пять утра Кейт поднялась с постели и отправилась на побережье, как она всегда делала на рассвете. Она находила успокоение в том, чтобы плыть сквозь спокойные, ленивые волны, в тишине, нарушаемой лишь далекими криками чаек, когда небо раскрашено в яркие голубые, розовые и золотистые тона.

Когда Тристан наконец подъехал к дому на своем синем мини-купере, Кейт уже ждала на улице.

– Утро доброе. Я тебе кофе принес, – сказал он, протянув Кейт стаканчик, как только она забралась на переднее сиденье машины.

– Чудесно. С двойным эспрессо? – спросила она, грея замерзшие ладони о теплый бок картонного стаканчика.

– С тройным. Я сегодня неважно спал.

Сегодня на Тристане были темно-синий костюм и белоснежная рубашка с небрежно расстегнутым воротом. Выглядел он, по мнению Кейт, просто замечательно. Сама Кейт тоже постаралась одеться понаряднее, и выбор ее пал на темные джинсы, классическую белую блузку и жилет из синей шерстяной ткани.

Она сделала глоток кофе, чувствуя, как ударная доза кофеина помогает ей окончательно проснуться.

– Отлично. Я тоже сегодня еле заснула.

– Беспокоюсь я об этом деле, – произнес Тристан, когда они выехали с трейлерной стоянки. – Все еще чувствую себя полным новичком.

– Не переживай. Бев Эллис отчаянно хочет выяснить, что случилось с ее дочерью. Мы – люди, которые смогут это сделать. Так ведь?

– Да, – кивнул Тристан.

– Не позволяй себе думать по-другому, и все будет в порядке, – сказала Кейт. Именно это она повторяла себе все то время, пока плавала, а потом – и когда собиралась на встречу. Так что к нынешнему времени она даже почти в это поверила.

– Ты же читала про Джоанну Дункан в сети? – спросил Тристан. – Никто понятия не имеет, что с ней случилось. Она пропала посреди муниципальной парковки, в центре Эксетра, на главной улице, да еще и в людный субботний вечер. Есть в этом что-то зловещее. Словно в воздухе растворилась.

– Ага. Но когда я пролистала все новости об ее исчезновении, то обнаружила кое-какие интересные подробности о ее работе журналисткой. Она занималась расследованиями, в том числе – опубликовала разоблачение местного депутата парламента, Ноя Хантли. Он брал взятки, а взамен помогал выиграть тендер на получение контракта с муниципалитетом. Национальные таблоиды тут же растащили эту историю, и в результате властям пришлось провести выборы раньше срока. Ной Хантли эти выборы проиграл и вылетел с работы.

– Когда это случилось? – спросил Тристан.

– За полгода до исчезновения Джоанны. В марте 2002 года. Может, Бев расскажет нам, над чем работала Джоанна той осенью.

* * *

Солнце вставало все выше, и весенний воздух стремительно прогревался. Впервые за этот год им даже не пришлось включать обогреватель. Первые несколько километров дорога вела вдоль моря, и открывавшийся вид на Юрское побережье прямо-таки захватывал дух. Кейт любовалась им каждый раз, когда проезжала мимо, – искренне и неподдельно. Природа здесь была практически калифорнийская – особенно по сравнению с остальной Великобританией.

Затем они свернули налево и выехали на шоссе, чтобы через сорок минут снова свернуть к морю. Салькомб был уже совсем близко – дорога спускалась все ниже, прямо к заливу, и мелькавшие за окнами автомобиля дома становились все более и более презентабельными на вид. Кейт отвернулась к морю, на чьей ровной спокойной глади покачивались яхты и рыбацкие лодки. В гладкой воде отражались чистое голубое небо и яркое весеннее солнце.

Дорожный навигатор Тристана велел им свернуть вправо, на частную дорогу. Вскоре за деревьями показались высокая белая стена и ворота, перекрывающие дальнейший путь. Подъехав поближе, Тристан опустил стекло и нажал на

кнопку домофона.

– Кем, говоришь, работает Билл? – спросил он, дожидаясь ответа.

– Не знаю. Бев не сказала. Но зарабатывает он, судя по всему, немало.

– Лишнего внимания он явно не любит. Посмотри, какие тут здоровенные деревья, – Тристан указал на огромные ели, высаженные за стеной, которые полностью перекрывали обзор.

Динамик домофона затрещал.

– Здравствуйте. Вижу, вы приехали. Сейчас я вас впущу, – произнес голос Бев. Ворота тут же беззвучно скользнули вправо. Кейт взглянула наверх и увидела камеру безопасности, вмонтированную в один из воротных столбов. Тристан закрыл окно и нажал на газ.

Петляющая дорожка вела их к дому. По обе стороны раскинулись пальмы и фиговые деревья, то и дело встречались ели, сосны и пихты. Вдоль дороги росли заросли тюльпанов всех возможных расцветок: красные, белые, желтые и даже фиолетовые. Крупные бутоны были готовы вот-вот открыться.

Они проехали вдоль дома, а затем дорога круто повернула влево, заканчиваясь мощенной камнем парковкой. Неподалеку от дома стояло здание, больше похожее на здоровенную белую коробку – никаких окон, только маленькая дверь из дуба.

Как только Кейт и Тристан выбрались из машины, дверь дома открылась. На пороге стояла Бев Эллис – а рядом с ней очень высокий мужчина, которому она едва доставала до плеча. Он, пожалуй, был на полголовы выше Тристана, а Тристан был ростом за метр восемьдесят.

На свою дочь Бев была похожа просто ужасно. Одинаково худые, с одинаково крупным орлиным носом и полными губами, с одинаково выдающимися скулами и небесно-голубыми глазами. Разница, впрочем, была: кожа Бев была бледной и дряблой, под глазами виднелись заметные мешки. Волосы у нее были коротко подстрижены и выкрашены в слишком уж черный цвет, из-за чего ее

оттопыренные уши еще больше бросались в глаза. Одета она была в пару розовых кроксов, а кроме того – в джинсы и потрепанную зеленую толстовку. Бев, казалось, очутилась в этом месте совершенно случайно. Словно бедная родственница, нагрянувшая из богом забытого городка.

Кейт укорила себя за подобные мысли и перевела взгляд на Билла. Он выглядел младше, чем Бев. Телосложение у него было худощавым, жилистым, густые седые волосы подстрижены коротким ежиком. На полинявшей футболке красовался логотип «Роллинг Стоунс», искусственно состаренные джинсы были художественно порваны, а обуви у него и вовсе не было. На груди Билла висела золотая цепочка, румяное лицо лучилось добротой, но больше всего, наверное, выделялись его яркие зеленые глаза.

– Здравствуйте, – сказала Бев, протягивая Кейт дрожащую руку. – Это Билл. Я бы сказала, что он мой парень, но спустя столько лет это звучит как-то странно. – Она издала нервный смешок. – Мы вместе уже целую вечность.

– Приятно познакомиться, Кейт. И с вами тоже, Тристан. – Билл пожал им руки. По сравнению с Бев он прямо-таки воплощал спокойствие, и Кейт окончательно успокоилась. Эти люди точно отнесутся к ним с уважением.

– Надеюсь, вы легко нашли дорогу? – Кейт собиралась было ответить, но Бев справилась самостоятельно. – Ну конечно же, вы нашли дорогу. Вы ведь здесь. Хорошо, проходите!

Они прошли в просторную гостиную. Высокие, от пола до потолка, окна выходили на террасу и открывали чудесный вид на залив. Полы здесь были из белого мрамора, испещренного черными и золотыми прожилками, свивающимися в изысканный узор. Мебели почти не было: слева возвышался большой камин, сложенный из бетонных плит, напротив – длинный кожаный диван белого цвета, стоящий на белом же ковре. Над камином висел плоский телевизор.

Правее была такая же просторная открытая кухня, выполненная в минималистическом стиле, абсолютно белая, чистая и пустая. Нигде не стояло даже самой завалящей вазочки. Интересно, Бев тут давно живет? Кейт она показалась человеком нервным, и по ее опыту нервные люди любят заставлять все свободное пространство различными безделушками – точно так же, как они

хотели бы заполнить свою внутреннюю пустоту.

– Черт возьми! Ты только посмотри, какой тут вид! – воскликнул Тристан, подойдя к окну. Зрелище было и правд завораживающее: панорамные окна смотрели прямо на залив, и что самое главное, куда ни брось взгляд, нигде не было видно ни других домов, ни любых других следов цивилизации. Только море и далекие скалы Юрского побережья, теряющиеся в голубой дымке. – Простите. Я не хотел сквернословить.

– Все хорошо, дорогой. Помнится, когда я впервые это увидела, то сказала: «Твою ж мать!» – поспешила успокоить его Бев. Воцарилось неловкое молчание, и она смущенно покраснела. – Садитесь пока что. Я сделаю чай и кофе. – Бев махнула рукой на диван и ретировалась на кухню. Кейт и Тристан послушно опустились на кожаное сиденье.

Бев тем временем хозяйничала на кухне, и получалось у нее, честно говоря, не слишком успешно. То ей никак не хотели поддаваться кухонные шкафчики – у них не было ручек, и открывались они нажатием на дверцу, то она распахивала не ту дверь холодильника.

– Как давно она здесь живет? – едва слышно пробормотал Тристан. Кейт только покачала головой и отвернулась, чтобы достать блокнот и ручку.

Билл и Бев вернулись спустя несколько минут, неся большой френч-пресс с кофе и трехъярусную подставку для пирожных, заполненную кексами и печеньем. Поставив это все перед Кейт с Тристаном, Билл уселся прямо на пол, облокотившись спиной на камин. Бев пристроилась рядом, заняв подлокотник дивана.

– Вы ведь не возражаете, что я буду делать заметки? – Кейт подняла в воздух блокнот. – Это чтобы точно ничего не упустить.

– Без проблем, – ответил Билл. Комната погрузилась в напряженную тишину. Бев молча принялась разливать всем кофе, и руки у нее так тряслись, что в конце концов Билл пришел ей на помощь.

– Все хорошо, – проговорил он, когда передал Тристану и Кейт их чашки и вновь повернулся к Бев. Он ласково погладил ее по бедру, и Бев вцепилась в его руку.

В сравнении с ладонью Билла ее ладошка выглядела совсем маленькой, словно птичьей.

– Простите. Меня так пугает даже говорить об этом... – сказала Бев, вытирая мокрую ладонь и штаны. – И я совсем не знаю, с чего начать.

– Может быть, сначала вы просто расскажете нам о Джоанне? – предложила Кейт. – Какой она была?

– Я всегда звала ее Джо, – ответила Бев. Кажется, ее удивил такой просто вопрос. – Она была просто чудесной малышкой. Беременность прошла без осложнений, и родилась она быстро. Всегда была такой тихой и послушной. С ее папой я провстречалась совсем недолго, и он был сильно меня старше. Ему – двадцать шесть, мне – семнадцать. Он умер, когда Джо было два года. Сердечный приступ. Удивительно для такого молодого парня, да? Оказалось, у него был порок сердца, о котором никто не имел ни малейшего понятия. Женаты мы не были, да и он не то чтобы часто появлялся, так что я растила Джо сама. Мы были очень близки... Скорее, наверное, как подруги, особенно когда она стала чуть постарше.

– А кем вы работали? – спросила Кейт.

– Я была уборщицей в «Риде», это компания, которая сдает офисы в аренду. У них два больших здания, одно в Эксетере, другое в Эксмуте... Жили мы в муниципальной квартире, в округе Мурсайд. Потом я смогла снять квартиру чуть поближе к городу, а сюда я переехала только два месяца назад. Владелец квартиры, которую я снимала, решил ее продать. Так что здесь все принадлежит Биллу.

Билл поднял на нее взгляд и тепло улыбнулся.

– Теперь это и твой дом тоже, милая.

Бев кивнула и вытянула из рукава мятую салфетку, чтобы вытереть глаза.

– А как долго вы уже вместе? – спросил Тристан.

– Божечки... Наверное, лет тридцать, да? Но мы не женаты. Нам обоим нравилось иметь немного личного пространства, – объяснила Бев. Билл кивнул, и она снова покраснела.

Звучало это объяснение как-то... механически. Словно заученная наизусть сценарная строчка.

– Джо всегда хотела быть журналисткой? – спросила Кейт.

– Всегда. Когда Джоанне было одиннадцать, она увидела детскую пишущую машинку. «Петит-990». Она была совсем как настоящая. Может, вы видели рекламу? Там еще была маленькая девочка, одетая совсем как певица Долли Партон. Она печатала на машинке, а на фоне играла песня «С 9 до 5».

– Помню, – кивнула Кейт. – Это когда было?

– В восемьдесят пятом.

Кейт быстро прикинула в уме: если Джоанне в 1985 году было одиннадцать, значит, родилась она в 1974 году. То есть ей было двадцать восемь лет, когда она пропала в 2002 году.

– Я в восемьдесят пятом еще четыре года как не успел родиться, – заметил Тристан. Все рассмеялись, и витающее в комнате напряжение немного спало.

– В общем, как только Джо увидела эту рекламу, то сразу захотела в подарок на Рождество именно пишущую машинку. Но в те годы стоила она как самолет – тридцать фунтов! Так что я ей сказала: «Зачем тебе пишущая машинка? Ты с ней поиграешь, а потом она просто будет стоять и пылиться». А Джо отвечает: «Я буду репортером». Я кое-как наскребла тридцать фунтов, одолжила там и тут – в основном, конечно, у Билла...

Билл усмехнулся, видимо, припоминая эту историю.

– И подарила Джо на Рождество пишущую машинку. Слово она сдержала. Каждую неделю она выпускала новости. Всякие глупости про школу, про то, что у нас в жизни происходило. Она всю жизнь писала, всегда задавала обо всем

вопросы... Умная она была. В одиннадцать поступила в класс для одаренных детей. Потом, когда закончила школу, училась в Эксетерском университете на журналиста, а работала репортером на «Вест-Кантри Ньюс». Тогда эта газета широким тиражом расходилась, по полумиллиону копий в день... Но работать она хотела в Лондоне, на крупную газету. Отзывалась на все вакансии, и ей даже собеседование назначили... – Голос Бев сорвался. – А потом она пропала.

– А за последние месяцы до исчезновения Джоанны ничего странного в ее поведении не было? Может, она была подавлена или просто беспокоилась о чем-то?

– Наоборот, я никогда ее такой счастливой не видела.

– А часто вы с ней виделись?

– Несколько раз в неделю. Мы почти каждый день созванивались, да и не по одному разу за сутки. Джо со своим мужем, Фредом, только что купили домик в Аптон-Пайн – это пригород Эксетера.

– А что вы думаете о Фреде?

– Фред был... То есть Фред просто хороший парень. Он этого сделать не мог! – горячо сказала Бев. – Он был дома весь день... Его многие видели. Фред красил дом, так что был у всех на виду, и множество людей подтвердили его алиби.

– И ничего необычного незадолго до исчезновения Джоанны не происходило? – уточнила Кейт.

– Нет.

– Над чем она работала? Я читала, что она занималась журналистскими расследованиями.

– Джо работала над множеством историй, – ответила Бев, не сводя глаз с Билла.

– Но ничего такого, из-за чего ее могли бы убить и похитить, – закончил он.

– В субботу, седьмого сентября, она ушла на работу. Из редакции она вышла в пять тридцать. До машины идти всего ничего, но где-то по пути Джо исчезла. Мы с Биллом в тот день были на экскурсии в Киллертоне, где-то в часе езды от Эксетера. В город мы вернулись уже во второй половине дня, и Билл решил заглянуть к себе в офис, а я отправилась домой. Уже около семи мне позвонил Фред и сказал, что Джо так и не вернулась. Мы принялись обзванивать ее коллег и знакомых, но никто не знал, где она. В конце концов Фред приехал ко мне, и мы поехали ее искать. На полицию рассчитывать не приходилось – они поднимают шум только через сутки после исчезновения, так что мы объехали все местные больницы, а затем заехали проверить парковку возле ее офиса. Машина Джо все еще стояла там, а под ней мы нашли ее телефон. Выключенный. Никаких отпечатков на нем не нашли, даже самой Джо. Полиция думает, что кто-то специально его выключил, а затем стер отпечатки пальцев и подбросил под машину.

– Речь идет о той парковке на улице Динсгейт, которую демонтировали в 2003 году? – спросил Тристан.

– Ага. Там теперь многоквартирный дом, – ответила Бев.

– Джоанна... Джо провела журналистское расследование, которое изобличило в мошенничестве местного депутата парламента, Ноя Хантли. В марте 2002 года, за полгода до ее исчезновения, верно? – уточнила Кейт.

– Все так. Статью Джо упомянули крупные газеты, в результате пришлось провести переизбрание, и Ной Хантли вылетел со своего места. Но это было уже в мае, за четыре месяца до того, как пропала Джоанна.

– А после того как он потерял работу, он устроился в частный сектор. И платили ему там куда больше, чем когда он работал в правительстве, – добавил Билл, с отвращением покачав головой.

– Может, Джоанна работала над еще какой-нибудь статьей, из-за которой ей могли желать вреда? – спросила Кейт.

– Нет, нам так не кажется. – И вновь Бев смотрела на Билла. Она продолжила свою мысль только после того, как он покачал головой. – Джо особенно не рассказывала о том, что пишет, но ни ее начальник, ни ее редактор ни о чем

таким не упоминали... Полиция и с Ноем Хантли говорила. По-моему, они просто отчаялись, потому что других подозреваемых у них не было. Но у Хантли не было мотива причинить Джо вред после того, как статья уже вышла, и к тому же у него было алиби.

– Были какие-то свидетели, которые видели Джо перед исчезновением? – спросила Кейт.

– Пара людей говорили, что видели, как она выходит из редакции. Одна старушка вспомнила, как она проходила мимо автобусной остановки на улице Динсгейт. Полиция нашла кадры с камеры видеонаблюдения, где видно, что в без двадцати шесть вечера она проходит мимо. А вот камеры, с которой видно парковку, не было. Так что никто не знает, что случилось после этого. Она словно бесследно исчезла.

Все надолго замолчали. Тишина была такая всеобъемлющая, что Кейт впервые за все время услышала тиканье часов на заднем фоне.

Билл поставил чашку на стол.

– Послушайте. Бев для меня очень много значит, – сказал он. – Я слишком долго видел, как она мучается. Джо я вернуть не могу, но если ее убили, я хочу помочь найти ее тело. Я хочу, чтобы Бев могла достойно ее похоронить, – Бев беспомощно уставилась на собственные колени, комкая в руках салфетку. По ее морщинистым щекам текли слезы. – Я понимаю, что за несколько часов расследование не провести. Если я вас найму, то мне есть, чем заплатить. Но я должен быть в курсе дела и просто безропотно подписывать чеки я не буду. Надеюсь, здесь мы друг друга понимаем.

– Разумеется, – ответила Кейт. – Ложных обещаний мы давать не будем. Но я могу сказать, что все наши расследования мы всегда доводили до конца.

Билл задумчиво кивнул и поднялся на ноги.

– Пойдемте. Я хочу кое-что вам показать.

Они прошли через кипельно-белую кухню и очутились в широком коридоре. Впереди шел Билл, сразу за ним – Бев, и следом уже Тристан и Кейт.

В полумраке Тристан разглядел пять дверей, ведущих в глубину дома – все плотно закрыты. На стенах висели распечатанные постеры в рамках – штук шесть или, может быть, семь. На черно-белых фотографиях были запечатлены обнаженные женские тела. Тристан, конечно, ханжой не был, но зрелище это его неприятно поразило. С художественной точки зрения фотографии были выполнены мастерски, но слишком уж откровенны. Один из снимков, например, – женское влагалище, а рядом – мужская ладонь, сжимающая неочищенный банан.

Тристан бросил на Кейт взгляд, пытаясь понять, что она об этом думает, и в ответ та подняла бровь. Бев, судя по всему, заметила их бессловесный диалог – она нервно рассмеялась и вновь быстро заговорила.

– Билл собирает произведения искусства, – объяснила она. – Это фотографии, которые выпускались ограниченным тиражом. Очень много стоят. Фотограф – высший класс. Как ты, говоришь, его зовут?

Для Бев, кажется, было жизненно важно убедить их, что висящие на стенах фотографии – настоящее произведение искусства, а не порнография. Заставляло задуматься, насколько ее вообще устраивает эта фотовыставка.

– Арата Хаяши. Очень необычный японский художник. Меня пригласили на его выставку в прошлом году, когда я был в командировке в Японии, – сказал Билл.

– А чем вы занимаетесь? – поинтересовался Тристан.

– Строительством. Начал с офисных зданий, потом мы постепенно перешли к строительству дорог. Я основал компанию, которая занимается поставками всевозможных строительных материалов для автомагистралей.

– Компания Билла только что закончила с ремонтом автомагистрали М4, – гордо произнесла Бев.

Эта дорога, насколько помнил Тристан, растянулась на добрых триста километров – от Лондона до Южного Уэльса. В общем, должно было уйти порядочное количество гудрона и цемента.

Билл открыл дверь, расположенную в конце коридора, и они вошли в его рабочий кабинет. В сравнении с остальным домом эта комната казалась темнее: везде тяжелая деревянная мебель, на стенах висят заполненные книжные полки. Взгляд Тристана упал на оружейный шкафчик, где за толстым полированным стеклом в ряд стояло несколько охотничьих винтовок.

Над массивным письменным столом висела оленья голова. Заглянув в полные скорби глаза мертвого животного, Тристан ощутил острый укол жалости. Только он собирался спросить у Билла, ездит ли тот на охоту, как заметил целую грудку промаркированных полицией коробок для улики, стоящих у камина. На каждой было написано: «Дело Джоанны Дункан», и еще подписан номер.

– Это что, материалы из полиции? – спросила Кейт, подходя к коробкам поближе.

– Да, – просто ответил Билл. Кейт нахмурилась.

– Билл их для меня достал, – сказала Бев таким тоном, словно речь шла о заказе с Амазона.

– Я, конечно, пару раз видела, как полиция разрешает просмотреть членам семьи некоторые документы... Но только в участке и под наблюдением. Я впервые слышу, чтобы архивные файлы позволяли вынести... Под залог? – уточнила Кейт, приподняв одну бровь.

– Да. Они у меня уже три месяца, – подтвердил Билл.

– С официальным разрешением полиции?

Билл подошел к своему столу, отыскал нужный лист бумаги и протянул его Кейт. Тристан заглянул ей через плечо, и они вместе уставились на официальное письмо, подписанное суперинтендантом полиции Алленом Коуэном, округ Девона и Корнуолла. В письме Биллу выражали благодарность за его щедрые пожертвования полицейской благотворительной организации «Золотой фонарь».

В письме также говорилось, что, приняв во внимание, какую поддержку Билл оказывал семьям погибших офицеров полиции, они предоставят ему полный доступ к материалам дела об исчезновении Джоанны Дункан и надеются, что это поможет в его частном расследовании.

– Сейчас делом никто не занимается. Словом, висяк. Это письмо подтверждает, что полиция была согласна передать мне материалы дела, – сказал Билл. Тристан отвернулся, чтобы пересчитать коробки – вышло двадцать штук.

– Вы их уже просмотрели? – спросил он.

– Просмотрел.

– Полиция забрала ноутбук Джо в качестве улики? А ее рабочие статьи? – уточнила Кейт.

– Нет. Считается, что ноутбук Джо и ее блокнот были с ней, когда она пропала, – сказала Бев. – Их так и не удалось найти.

– Но кое-какие рабочие документы и файлы полиция забрала. Все, что удалось найти на рабочем столе Джо. Они все подшиты к материалам дела, но на многое не надейтесь – это просто расплывчатые наработки статей, которыми она тогда занималась, – сказал Билл.

Они снова надолго замолчали. В кабинете было жарко и душно, а от оленьей головы доносился стойкий душок дичи, от которого Тристана начало подташнивать.

– Я пыталась в этом разобраться. Думала, мне это на пользу пойдет. Может, я даже найду ответы, но здесь столько всего... – произнесла Бев. – Вопросы, вопросы, вопросы – и никаких ответов. Единственное, что я поняла – полиция действительно ни хрена не знает о том, что случилось. Мне нужно выпить... Извините, – торопливо добавила Бев. Она прошла к мини-бару и открыла дверцу. Выбрав из всего разнообразия бутылок одну, Бев от души плеснула виски в хрустальный стакан, сделала долгий глоток и утерла дрожащей рукой губы.

– Может, хотите выпить? – спросил Билл. Он последовал примеру Бев, налив виски и себе – явно для того, чтобы немного сгладить ситуацию. После короткой заминки Тристан отрицательно покачал головой, стараясь не слишком глазеть на Бев. Бокал для нее был слишком большим, и ей приходилось удерживать его обеими руками.

– Слушайте, я в переговорах не сильна. В дипломатии тоже, – сказала она. – Мне нужно знать: вы возьметесь за это дело? Поможете мне узнать, что случилось с Джо? В материалах дела все есть. И показания свидетелей, и даже реконструкция, чем Джо занималась в последние часы до своего исчезновения...

Бев выдвинула кресло из-за стола и устало в него опустилась. Выглядела она совершенно опустошенной.

Тристан бросил на Кейт еще один быстрый взгляд. Про себя-то он точно знал – он был готов взяться за расследование еще тогда, когда Кейт позвонила ему в первый раз.

Она кивнула.

– Ладно. Мы в деле. У меня есть связи в полиции и среди криминалистов. То, что у нас есть доступ к материалам дела, даст нам огромное преимущество.

– Ой, я так рада, – выдохнула Бев. – Спасибо вам.

Тристан видел – несмотря на то, что Джоанна пропала много лет назад, чувства Бев нисколько не утихли.

– Для начала договоримся на полгода, – сказал Билл. – А затем посмотрим, как далеко вы продвинулись.

Он пожал руку сначала Кейт, а потом и Тристану. Затем Бев поднялась из кресла, чтобы обнять их обоих, и от нее отчетливо несло перегаром.

– Спасибо вам. Огромное вам спасибо, – повторяла она.

– Мы сделаем все, что сможем, чтобы найти Джо, – пообещала Кейт. Бев кивнула и вдруг разрыдалась, и Билл тут же обнял ее за плечо, прижимая к себе.

– Мы можем забрать с собой материалы дела? – спросил Тристан.

– Да, я помогу загрузить коробки в машину, – ответил Билл.

– Мне дурно от одной мысли, что они со мной в одном доме, – проговорила Бев. – Так что забирайте. Пожалуйста.

Глава 5

Следующим утром Кейт с Тристаном закопались в материалы по делу Джоанны Дункан. В планах было их отсканировать – времени, конечно, на это ушло бы уйма, но иметь доступ к файлам в электронном виде всегда полезно. Кроме того, дополнительная копия никогда не повредит. Разрешение использовать полицейские материалы у них было, но бюрократия штука такая – никогда не знаешь, что случится в следующий момент. Как дали доступ, так его и заберут.

В первой же коробке Тристан нашел аудиокассету с записью свидетельских показаний Фреда Дункана – мужа Джоанны.

– Датировано двенадцатым сентябрем 2012 года. – Он прищурился, разбирая почерк на кассете. – Спустя пять дней после исчезновения Джоанны.

– А других свидетельских показаний примерно того же времени нет? – спросила Кейт. Тристан покопался в коробке.

– Есть интервью с семьей Джоанны, с ее коллегами и друзьями – но все под запись. Аудиокассет больше нет, – сказал он.

– Значит, в начале расследования на официальный допрос привели только мужа Джоанны. Ближайшие родственники часто оказываются главными подозреваемыми.

– А сколько может длиться запись на такой кассете? – спросил Тристан, вертя в руках пластиковую коробочку. – Я с ними не особо знаком.

– Черт возьми. Я себя сейчас такой старой почувствовала, – ухмыльнулась в ответ Кейт. Она забрала у него кассету и проверила метки. – На каждой стороне по тридцать минут. Тут указано, что кассета всего одна, так что допрос был недолгим.

Кейт достала из шкафчика старый кассетный магнитофон, который достался им в наследство от Миры, и вставила в него кассету. Затем она запустила на телефоне диктофон, включила запись и положила телефон рядом с динамиком.

Голоса на пленке было два: один принадлежал старшему инспектору полиции по имени Фетерстоун – он был постарше и более грубым, другой же голос принадлежал Фреду Дункану. Говорил Фред с сильным корнуэльским акцентом.

– Вы упоминали, что седьмого сентября весь день красили дом в Аптон-Пайн, где проживаете вместе с Джоанной. А ваш сосед Артур Мэлоун сообщил, что примерно в два часа дня к вам зашла молодая женщина. И он не заметил, чтобы она выходила из дома, – произнес старший инспектор Фетерстоун. – Кто это был?

– Соседка. Фамке, – ответил Фред.

– Фамке... Звучит по-иностранному. А фамилия у нее какая?

– Ван Нурт... – Какое-то время Фред диктовал ее имя по буквам. – Это голландское имя. Она студентка по обмену, работает няней в семье неподалеку.

– Значит, у ваших соседей гостят студенты по обмену? – В голосе Фетерстоуна звучала насмешка.

– Да. Это дом местного доктора и его жены. Семья Полсонов. Доктора зовут Тревор Полсон. Как зовут его жену, не знаю. У них большой дом на краю деревни. Фамке присматривает за их детьми, – сказал Фред.

– Их имена мне тоже нужны.

– Чьи? Детей?

– Нет. Имя доктора по буквам, – раздраженно проговорил Фетерстоун. Фред послушно продиктовал и его имя.

– Почему вас навещала эта студентка по обмену? – спросил Фетерстоун, когда с этим было покончено. Возникла долгая пауза.

– А вы как думаете? – наконец произнес Фред.

– Мне необходимо, чтобы вы произнесли это вслух сами. Ваши показания записываются на пленку.

Фред тяжело вздохнул.

– Мы занимались сексом, – сказал он. – Она пришла, чтобы заняться со мной сексом. Осталась на пару часов, затем вышла через заднюю дверь и прошла через сад.

– У вас там, кажется, тропинка, которая идет через сад?

– Да. Она ушла этим путем. Пожалуйста, будьте с ней помягче. Она совсем еще юная... Ну, то есть не настолько юная, – поспешно добавил он.

– Как вы познакомились? – спросил Фетерстоун.

– Как-то раз встретились в магазине... Она мне глазки строила, – объяснил Фред. – С тех пор, как мы переехали в деревню, я так и не нашел работу. Чувствовал себя крайне дерьмово.

– И почему вы себя так чувствовали?

– Мы с Джо взяли дом в ипотеку. Помогать с оплатой я не мог.

– Джоанна хорошо зарабатывает? Она же работала в «Вест-Кантри Ньюс», в Эксетере?

– Да.

– Должно быть, это создавало определенное напряжение в ваших отношениях, – подначил его Фетерстоун.

– На что вы намекаете?

– У вас был мотив. Ваша жена умирает, вам выплачивают страховку, вы закрываете ипотеку.

– Она мертва? Вы нашли ее тело? – Голос Фреда сорвался. На добрых полминуты воцарилась тишина – Кейт даже проверила, крутится ли еще пленка.

– Сколько раз вы занимались с Фамке сексом? – спросил Фетерстоун.

– Три или четыре раза за последние пару месяцев. Иметь интрижку на стороне – это не преступление.

– Конечно, нет, мистер Дункан. А Джоанна знает, что вы развлекаетесь с местной студенткой по обмену? В ее собственной кровати? Пока она выбивается из сил на работе, чтобы оплатить ипотеку?

Еще одна длинная пауза.

– Нет, – тихо сказал Фред. – Это просто глупость какая-то. Я был таким идиотом. Я просто хочу, чтобы она вернулась домой. Я все ей расскажу, пусть она только вернется домой.

– Вы знаете кого-то, кто мог бы хотеть причинить Джоанне вред? – спросил Фетерстоун.

– Нет.

– Может, и у нее была интрижка на стороне? Вы же ей изменяли.

– Что? Нет. Нет. Она одержима работой. Все свое время Джо проводит или со мной, или со своей мамой, или на работе. Как-то она рассказывала о женщине из редакции, у которой был роман с коллегой, и как все потом об этом сплетничали.

– Про кого она говорила?

– Рита Хокинг. Тоже работает журналисткой в «Вест-Кантри Ньюс».

– Ваша жена могла просто сбежать.

– И что вы хотите, чтобы я вам ответил? Это даже не вопрос. Вы здесь чертов полицейский. У вас должны быть какие-то зацепки! Джо бы не сбежала. Она бы никогда не бросила маму. Они близки. Иногда даже слишком уж близки.

Снова долгое молчание. Затем старший инспектор Фетерстоун принялся зачитывать показания Фреда, и Кейт остановила запись.

– Почему Бев не сказала нам, что у Фреда была интрижка?

– Может, просто вбила себе в голову, что они были счастливы вместе, – предположил Тристан. – Она не рассказывала, что Фреда допрашивали. Полиция полагала, что у него есть мотив.

– Его соседи и Фамке подтвердили алиби. Тут об этом что-то есть?

Тристан пролистал бумаги и нашел нужную запись.

– Ага... Фамке дала полиции письменные показания. Она пришла к Фреду после двух часов дня, осталась на два часа и ушла сразу после четырех, – сказал он, пролистав показания. – Потом ушла через заднюю дверь. Прошла дворами и отправилась к себе домой.

– А как далеко Аптон-Пайн от Эксетера? – спросила Кейт.

– Недалеко, километров шесть, – ответил Тристан, продолжая копаться в документах.

– Алиби у Фреда есть только до четырех часов дня. Но Бев сказала, что Джоанна ушла с работы в пять тридцать.

– Сосед Фреда, Артур Мэлоун, сказал полиции следующее: он видел, как седьмого сентября, в субботу, Фред работал по дому весь день. Машина Фреда оставалась на месте до позднего вечера, и уехал он только в полвосьмого.

– Как раз тогда Фред забеспокоился, что Джоанна не вернулась с работы, и поехал к Бев в Эксетер, – закончила Кейт. Тристан тем временем просматривал очередную стопку документов. Вдруг он присвистнул и поднял вверх руку с зажатыми в ней распечатками фотографий – четыре снимка, сделанных с камеры видеонаблюдения.

– Что это? – спросила Кейт.

– Полиция взяла показания у Ноя Хантли, того самого депутата, которого разоблачила Джоанна, – объяснил Тристан. – А тут фотографии, как они встречаются на заправочной станции.

Кейт забрала у него снимки.

– Посмотри, тут указано время. Это запись с камеры за двадцать третье августа 2002 года, – заметила она.

– За две недели до исчезновения Джоанны.

– А находится эта камера у заправочной станции на въезде в Аптон-Пайн. Зачем бы это Джоанне встречаться с Ноем Хантли за две недели до своего исчезновения? Да еще и так близко к дому?

– Полиции Хантли сказал, что Джоанна попросила о встрече, потому что ее приняли на работу в «Дейли Мейл», а он как раз являлся одним из членов правления компании. Джоанна хотела удостовериться, что они с Хантли не держат друг на друга зла, – сказал Тристан. – И у него есть алиби: во время исчезновения Джоанны он был в своем доме во Франции.

Тристан отдал Кейт подписанные Ноем Хантли свидетельские показания.

– Надо бы поговорить с Фредом и узнать его версию событий. Бев о многом умолчала. Может, она скрыла от нас и что-то поважнее.

Глава 6

Фред Дункан согласился поговорить с Кейт и Тристаном, и они назначили встречу на следующий же понедельник. Жил он в их с Джоанной старом доме, в Аптон-Пайне – деревеньке, находившейся минутах в двадцати от Эшдена. До Эксетера отсюда было рукой подать.

Они свернули с дороги в узкий переулок, тесно заставленный домами. Высокие кирпичные стены были увиты плющом, а участки отгораживались друг от друга живой изгородью и утопали в зелени. Вот показался и дом Фреда. От фотографий, приложенных к материалам дела, он отличался разительно, и в лучшую сторону: новенькая соломенная крыша, чистые отремонтированные окна, дочиста отскобленные от пятен стены, вновь обретшие темно-красный кирпичный цвет. На участке раскинулся густой сад, а сама территория была обнесена кирпичным забором с эстетично закругленной верхушкой. На лужайке перед самым домом росло гигантское дерево, и его огромные ветви, еще не успевшие обрести весенней листвой, создавали над двором своеобразный природный навес. Несмотря на то, что весеннее солнце сегодня припекало особенно сильно, в тени этого гиганта воздух казался почти холодным.

Кейт нажала на кнопку дверного звонка, и изнутри дома донеслась отдаленная трель. Спустя несколько секунд петли скрипнули, и на пороге появился Фред. Как и этот дом, он разительно отличался от своих фотографий тринадцатилетней давности: тогда он был худым и жилистым, с вечной темной щетиной и, казалось, не вылезал из футболок и потрепанных джинс. Сейчас же он немного поправился и обзавелся здоровым загаром. Чисто выбритый, с коротко подстриженными редкими волосами, Кейт он напомнил какого-нибудь новомодного гуру. В основном, конечно, из-за одежды: на Фреде были просторные белые брюки и мешковатая льняная рубашка с открытым воротом. На шее у него висел розарий, а на груди, среди зарослей волос, блестел маленький серебряный крестик.

– Добро пожаловать, – сказал Фред, широко улыбнувшись. – Снимите, пожалуйста, обувь. Хотите тапочки? – он указал на деревянный ящик, заполненный абсолютно одинаковыми парами пушистых тапок. Сам Фред был босиком.

Кейт и Тристан сняли ботинки, но от тапочек все-таки отказались.

– У меня полы с обогревом, так что не замерзнете, – продолжил он. – Моя жена, Тамека, участвовать в разговоре не захотела. Они с Анникой уехали в город. Это наша дочурка, – объяснял Фред, пока вел их через коридор.

На кухне в глаза первым делом бросился коллаж из фото, висящий над столом. На фотографиях во всех подробностях можно было рассмотреть свадьбу, притом свадьбу, сыгранную в индийских традициях. Верхняя, самая большая фотография представляла из себя групповой снимок. Гостей было штук, наверное, сто, и Фред вместе со своими болезненно белокожими родителями сильно выделялся на фоне индийских родственников и друзей Тамеки. А вот рядом еще два фото – Фред и Тамека в традиционных индийских одеждах, ярких и цветастых, стоят вместе. Тамека была повыше, и от ее красоты захватывало дух.

– Когда вы поженились? – спросила Кейт.

– Недавно была третья годовщина свадьбы, – ответил Фред. Он проследил за ее взглядом и тоже принялся рассматривать фотографии. – Семья у Тамеки большая, большинство из Мумбаи. Будете кофе? Правда, молоко есть только соевое, – добавил он. – Мы веганы.

– Я предпочту черный, – попросил Тристан.

– Я тоже, – сказала Кейт.

– Присаживайтесь, – Фред махнул рукой в сторону длинного деревянного стола, стоящего напротив панорамного окна. Стульев у стола не было – вместо него по обе стороны стояли скамьи.

Кейт и Тристан примостились на скамье. Из окна был виден задний двор, на котором раскинулся обширный сад. Тут и там виднелись росчерки пестрых берез – эти деревца были еще совсем молодыми. Шедшая через весь сад дорожка из белого гравия упиралась в большое строение кубической формы: деревянный каркас с прозрачными стеклянными стенами. Внутри никого не было, и Кейт разглядела, что пол был застелен темно-зелеными спортивными матами.

– Это студия йоги Тамеки, – сказал Фред. Кейт рассеянно оглядела кирпичную ограду, которой был обнесен участок, и сразу же заметила выходящие на задворки переулочные ворота. Тристан глянул туда же и приподнял брови.

Через эти самые ворота Фамке уходила после своих тайных встреч с Фредом.

На стол опустился поднос с тремя чашками горячего эспresso.

– Тамека преподает аштанга-йогу. Работает из дома.

– А вы сами теперь работаете? – Кейт взяла с подноса две чашки и одну передала Тристану. – В материалах дела упоминалось, что вы были безработным, когда пропала Джоанна.

– Да, теперь я работаю. – В голосе Фреда зазвучала легкая нотка сарказма. – Я веб-дизайнер. Мы оба работаем из дома и вместе заботимся об Аннике. – Он выудил из кармана мешковатых брюк пачку печенья, вскрыл упаковку зубами и небрежно бросил на стол. Печенье, конечно же, рассыпалось. – Черт. Как-то глупо вышло.

В итоге он встал и принялся искать по шкафчикам, пытаясь найти тарелку. Кейт показалось, что с готовкой он дел обычно не имел – да и с кухней в целом тоже. Наконец Фред вернулся с тарелкой, переложил на нее печенье и принялся убирать крошки. Успокоился он только после того, как удостоверился, что стол вернулся к первоначальной чистоте. Видимо, Тамека строго следила за тем, чтобы в доме сохранялся порядок.

– Так вот, – продолжил он, садясь напротив Кейт с Тристаном. – Джоанна...

– Ага. Бев сказала, что она вас предупредила?

– Она мне смс-ку прислала, – ответил Фред. – Думаете, вы сможете ее найти?

– Хотелось бы надеяться, – сказала Кейт. – Как вы относитесь к тому, что Бев наняла частных детективов?

Фред устало потер глаза.

– Ничего против не имею. Я долго скорбел по Джоанне. Но то, что я смог оставить это в прошлом, пошло мне на пользу. Мне пришлось это сделать, иначе бы я с ума сошел. Но Бев... Мне кажется, мыслями она осталась в том самом дне, когда Джоанна исчезла. Да мне даже говорить об этом трудно. Смотрите, у меня руки трясутся... – он показал им ладони. Его тонкие длинные пальцы и впрямь слегка подрагивали. Кейт заметила, что самые кончики пальцев у него слегка припухли.

– Сложно жить в том же доме, где вы жили вместе с Джоанной? – поинтересовался Тристан.

– Я вернулся только три года назад. Через год после того, как Джоанна пропала, я сдал этот дом и снял квартиру в Эксетере.

– Почему вы его сдали? – спросила Кейт.

– Я сам не мог платить ипотеку, так что дом пришлось сдавать. Когда люди пропадают без вести, нет никаких законов, которые регулировали бы права наследования. Ипотека у нас была совместная, и без подписи Джоанны я не мог внести в договор никакие изменения. Прошло восемь лет, прежде чем мы... То есть я смог пойти в суд, чтобы Джоанну объявили мертвой. Предположительно мертвой.

Лицо Фреда болезненно исказилось от воспоминаний.

– Сначала вы сказали «мы», а потом поправились и сказали «я»? – уточнила Кейт.

– Бев была против. Обвинила меня в том, что я сдался, что не хочу верить, что Джоанна вернется. В конце концов ей пришлось смириться. Мы могли получить свидетельство о смерти, устроить похороны. И наш с Джоанной брак был

аннулирован. Ее долю в доме я выкупил и отдал деньги Бев.

– А что об этом думал Билл?

– Билл обычно думает то, что скажет Бев. Он ей очень предан. Они всегда друг о друге заботились. С отцом Джоанны было крайне непросто. Это был очень жестокий человек, склонный к контролю. Билл его прямая противоположность – он спокойный, надежный. Заслуживающий доверия. Но когда отец Джоанны умер, Бев поклялась, что больше никогда не выйдет замуж и никогда не попадет в зависимость от другого мужчину. Я думал, что спустя столько лет они с Биллом все-таки поженятся... Ну, наверное, то, что они съехались – шаг в нужном направлении. Билл хороший парень. Он мне помог с деньгами, когда Джоанна пропала. И когда они наконец смирились, что Джоанна мертва, он выкупил землю рядом с могилой матери Бев, поставил прекрасное надгробие... – Голос Фреда угас. – Мы похоронили ее прядь волос.

Когда они были на встрече с Биллом и Бев, вспомнила Кейт, Бев и в самом деле иногда говорила о Джоанне так, словно она все еще может быть жива. И она не упомянула ничего из того, что рассказывал сейчас Фред.

Он сделал глоток кофе и продолжил:

– Я встретил Тамеку спустя полгода, как Джоанну признали погибшей. Предложение я сделал еще полгода спустя, потом Тамека забеременела. Мы хотели жить где-нибудь в приятном тихом месте, а в Аптон-Пайн сейчас хорошая инфраструктура, рядом есть замечательная школа. Этот дом мы полностью отремонтировали – заменили все полы, поменяли крышу. Пристроили кухню, на втором этаже сделали еще две комнаты с собственной ванной. Разбили целый сад... Дом стало не узнать. Как ни странно, но с соседями это помогло.

– В каком смысле? – спросила Кейт, и Фред приподнял бровь.

– Как вы наверняка знаете, полиция меня допрашивала, но ничего предъявить мне не смогли. У меня было алиби, подтвержденное Фамке – соседкой, с которой у меня была интрижка. Многие соседи из-за этого до сих пор думают, что это я и прикончил Джоанну. Когда мы ремонтировали дом, то перевернули все вверх дном. Содрали старые полы, ободрали стены до голого кирпича. Перекопали весь сад, чтобы поставить новый тепловой насос. За то время, что я тут не жил,

деревню успели подключить к канализации, так что нужно было вытащить старый септик... Кто-то позвонил в полицию, увидев, что мы избавляемся от емкости для септика. Не знаю, кто. Приехала полиция и попросила заглянуть внутрь, пока его не увезли на свалку. Что они уже делали три раза за девять лет. В общем, было приятно избавиться от всего этого и начать жизнь сначала. И, надеюсь, теперь покончено со слухами о том, что я убил Джоанну и спрятал ее под паркетом. Или закопал в саду.

– Вы еще поддерживаете связь с Фамке? – спросил Тристан. Фред тут же нахмурился.

– Конечно же нет.

– А знаете, где она сейчас?

– В последний раз я слышал о ней много лет назад. Вроде бы улетела назад в Нидерланды.

– Как Бев отреагировала на новости о вашем романе?

– Как вы, черт возьми, думаете, она отреагировала? Злилась на меня уйму времени. Потом мы со временем помирились. – Он надолго замолчал. – Шлем друг другу рождественские открытки.

– Мой банк тоже шлет мне рождественские открытки, – заметила Кейт.

– Ладно. Да, мы больше не общаемся, – сказал Фред. – Но чего еще было ждать? Нас с Бев связывала только Джоанна.

Он сделал еще один глоток кофе.

– В день исчезновения Джоанны вы весь день были дома. Сосед видел вас во дворе, и вы... – Кейт замешкалась. – В определенный момент ушли в дом с Фамке?

– Да.

– И вы никуда не уходили до восьми вечера?

– Верно. Когда Джоанна не вернулась домой, я пытался до нее дозвониться, но телефон был выключен. Около семи я позвонил Бев, но она не знала, куда подевалась Джоанна. Бев позвонила ее подруге, Марни, и та тоже ничего не знала. Друзей у Джоанны было немного, да и с коллегами она особо не общалась. Она собиралась сразу вернуться домой, как только закончит с работой, так что мы забеспокоились. Первым делом подумали, что она могла попасть в аварию. Бев позвонила в полицию, но помощи от них было немного. Ей сказали позвонить через сутки. Бев попросила меня ее подвезти, так что я поехал к ней. Она хотела проверить две местные больницы, но в конце концов мы решили сначала проверить парковку на Динсгейт.

– Почему? – уточнила Кейт.

– Джоанна ставила машину там. Парковку скоро собирались снести, и популярностью она не пользовалась. Там вечно ошивались всякие подозрительные типы... Наркоманы, например. Мы просили ее парковаться около Корн-Эксчейнджа, потому что там безопаснее, хоть это было дороже и дальше от ее офиса. Джоанна упрямо отказывалась. В общем, мы приехали на парковку, заехали на машине на верхние уровни и увидели машину Джоанны. Там же мы нашли ее телефон – его выключили и положили под машину. Тут стало понятно, что произошло что-то серьезное, и полиция согласилась открыть дело.

– У Джоанны были враги? – спросила Кейт.

– Нет. Джоанна была замкнутой, и друзей у нее было немного. Но никто ее не ненавидел. Да и она сама ни к кому негативных чувств не питала.

– За полгода до своего исчезновения Джоанна написала статью, в которой изобличала местного депутата Ноя Хантли в коррупции. Ее расследование спровоцировало повторные выборы, и Хантли потерял работу, – начала Кейт. Фред улыбнулся.

– Я ею так гордился. Всегда приятно видеть, как политики получают по заслугам, но знать, что именно Джоанна прижала этого ублюдка и добилась справедливости... После такого ее карьера должна была пойти в гору. Она могла

бы работать на национальное издание...

– И почему этого не случилось? – спросил Тристан. Фред замолк и напряженно потер лицо. Он откинулся на спинку стула, потом снова нервно выпрямился.

– Непросто вспоминать все это снова. В общем, это из-за меня. – Закусив губу, Фред уставился на стол. Кейт и Тристан обменялись взглядами; на какую-то секунду она была уверена, что сейчас Фред разрыдается, но он только тяжело вздохнул и продолжил: – Дела у меня шли из рук вон плохо. Работы у меня не было, я не знал куда себя деть. Джоанна хотела переехать в Лондон, а этот дом сдать. Хотела попробовать подать резюме в лондонский таблоид. Она мечтала работать на национальную газету. А я отказался. Сказал, что не хочу никуда ехать. Я до сих пор об этом жалею. Если бы мы поехали, то она была бы жива.

Кейт достала из сумки папку с файлами.

– К слову о врагах. Можно ли считать, что Ной Хантли был врагом Джоанны? Она ведь была автором статьи, которая положила конец его карьере.

– Это случилось за много месяцев до того, как Джо пропала, – возразил Фред.

– Полиция предоставила нам доступ к архивам. Вы знали, что после исчезновения Джоанны Ной Хантли давал показания в участке?

– Нет. Этого мне не говорили. Когда его арестовали? – Фред, кажется, был искренне удивлен.

– Его не арестовали. Он вообще не значился подозреваемым, а допрос провели спустя девять месяцев после исчезновения. Четырнадцатого июня, 2003 год, – прочитала Кейт. – Полиция решила поговорить с ним после того, как обнаружили одну запись на камере видеонаблюдения. Запись была снята за две недели до того, как Джоанна исчезла, и на ней снят их разговор с Ноем Хантли.

Фред выпрямился, явно ошарашенный услышанным.

– Джо упоминала, что хочет написать продолжение истории о Хантли, но она ни разу не говорила, что успела с ним встретиться.

– Продолжение истории? В каком смысле? – спросила Кейт.

– Пока она проводила расследование о нечестных тендерах, то слышала кое-какие слухи. Что-то о том, что Ной Хантли частенько встречается с мужчинами. Что они садятся в его машину, и он куда-то их увозит.

– Почему тогда она не написала об этом в первой статье?

– Ей не хватило реальных фактов. Да и редактор хотел, чтобы статья была сосредоточена именно на взяточничестве.

– Она вообще обсуждала с вами работу? – вступил Тристан.

– После выпуска статьи – да. Но не в процессе работы над историей. Особенно если тема была щекотливой. Постойте, что вообще за запись с камеры наблюдения?

– Неподалеку отсюда есть автозаправка, – объяснила Кейт. – На дороге, ведущей в Эксетер. Там был случай вооруженного нападения, так что полиция запросила данные с камер наблюдения. Почему-то им случайно дали заодно и запись девятимесячной давности. Полицейский, который просматривал видео, узнал номерной знак автомобиля Джоанны – он работал над ее делом, так что номер крепко засел у него в голове. А потом он обратил внимание на дату – восемь вечера двадцать третьего августа, 2002 год.

– Это бессмыслица какая-то, – пробормотал Фред. – Джоанна любила повторять, что Ной Хантли и подходить бы к ней побрезговал, не то что разговаривать. Только не после ее разгромной статьи.

– Судя по карте, эта автозаправка находится на трассе A377. По этой дороге Джоанна ездила на работу?

– Ага.

Кейт извлекла из папки серию снимков – распечатки кадров с видеозаписи, и фото легли на стол. Вот первый снимок: синий «Форд Сиерра», припаркованный рядом с заправочной станцией. Камера висела прямо напротив машины, и при

желании можно было разглядеть салон автомобиля через ветровое стекло. На втором снимке был Ной Хантли – высокий мужчина с темными волосами и глубокими залысинами. Камера запечатлела его как раз в тот момент, когда он садился на переднее сиденье машины Джоанны. Третий снимок: они уже разговаривают. Четвертый: Ной Хантли открывает дверь и выбирается наружу. Всего их беседа длилась минут пятнадцать.

Фред безмолвно уставился на фотографии, не находя слов.

– Что об этом сказал Ной Хантли? – наконец спросил он.

– Сказал, что он один из членов правления «Дейли Мейл», а иногда – и автор небольших статей. «Дейли Мейл» предложил Джоанне работу, и она захотела встретиться и удостовериться, что он не создаст ей никаких проблем, – сказала Кейт.

Фред покачал головой.

– Бред собачий. Джо никогда не стала бы перед ним пресмыкаться.

– Мы проверили материалы следования. Полиция подтвердила, что это правда – Джоанна действительно была принята на работу в «Дейли Мейл». Странно вот что: почему на автозаправке хранили эту запись? Обычно они делали так: записи на пленке хранились месяц, а потом всю информацию стирали и использовали пленку заново, – объяснила Кейт. – На автозаправке сказали, что это просто ошибка. Пленку хранили в беспорядке, так что про запись попросту забыли. Когда история Ноя Хантли подтвердилась, расследовать эту зацепку дальше в полиции не стали. У вас есть идеи, зачем еще Джоанне было с ним встречаться?

– Даже не представляю, – ответил Фред. – Я думал, что знаю ее, но чем дальше, тем больше я убеждаюсь, что был неправ.

– Вот и автозаправка, – кивнул Тристан на вывеску. Приехать сюда было идеей Кейт: когда они попрощались с Фредом, то Кейт решила, что было бы неплохо проехаться по маршруту, которым Джоанна ездила на работу. От Аптон-Пайна до шоссе ехать было не больше километра, а до самой автозаправочной станции – и того меньше.

Кейт сбросила скорость, чтобы получше разглядеть проплывающую мимо автозаправку. Место было одинокое и безлюдное – вокруг на многие сотни метров ничего, кроме бесконечных полей и деревьев. Посетителей здесь тоже было негусто – собственно, никого, кроме единственной женщины, заполняющей бензобак своей машины.

– Не верится мне, что Джоанна решила встретиться с Ноем Хантли на автозаправке просто чтобы узнать, не будет ли у нее проблем с работой, – сказала Кейт. – У нее, в конце концов, был телефон. У Ноя Хантли, я уверена, тоже. Зачем им встречаться лично, да еще и вечером после работы?

Заправка уже почти скрылась из виду, и машина ровно катилась по шоссе, петляющему между холмов.

– К тому же ехать ему сюда было неблизко, – напомнил Тристан. – Когда Ной Хантли потерял место в парламенте, то вернулся обратно в Лондон.

Они замолчали. Кейт все крутила в голове известные им факты, пытаясь представить, как Джоанна ехала по этой самой дороге утром злополучного седьмого сентября. Был ли это самый обычный, ничем не примечательный день?

Спустя пять минут они съехали с шоссе и оказались в Эксетере. Кейт свернула на главную улицу, и ей тут же пришлось притормозить, чтобы кое-как протиснуться мимо автобуса, куда неспешно погружалась группа дряхлых пенсионеров.

Мимо промелькнула парочка велокурьеров, ловко лавируя между машинами. Кейт же пришлось остановиться на красный свет.

– Ладно. Вон там раньше была редакция «Вест-Кантри Ньюс», – Тристан указал на пятиэтажное здание по левую сторону улицы, где теперь расположился крупный универмаг – «Джон Льюис».

– С работы Джоанна ушла в полшестого, и на улице все еще было порядком народу. Магазины, конечно, уже закрывались, но это был вечер субботы, так что бары и пабы работали на полную катушку. – Кейт попыталась разглядеть за потоком машин витрины магазинов, затем взглядом нашла четыре паба, стоящие в некотором отдалении друг от друга.

Светофор зажегся зеленым, и Кейт медленно поехала вперед. Успешно миновав еще два автобуса, Кейт оглянулась по сторонам. Кое-где главную дорогу прочерчивали переулки, и машин там было существенно меньше. Взгляд ее упал на пустующий подъезд для грузового транспорта, раскинувшийся перед супермаркетом.

– М-да. Людей тут полным-полно, а что с ней случилось, никто не видел, – заметил Тристан, проследив за ее взглядом. Кейт молча проехала до следующего светофора. Справа стоял большой многоквартирный дом, и выведенная курсивом надпись на табличке гласила: «Апартаменты Анкор-Хаус».

– А здесь раньше была та самая парковка, – сказала Кейт. Тут на пешеходном переходе зажегся зеленый свет, и мимо машины устремился поток людей, начисто перекрывший всякий обзор. – Господи, да тут от редакции идти всего ничего.

Тристан вытащил из сумки Кейт папку и быстро пролистал ее, пока не нашел нужное фото – кадр, сделанный камерой видеонаблюдения, которая висела чуть дальше за перекрестком.

Это была самая последняя фотография Джоанны – больше ее никто никогда не видел. В тот день она оделась в длинное черное пальто и высокие ковбойские сапоги из темно-коричневой кожи. Расчесанные на прямой пробор светлые волосы, едва достигавшие плеч, вились крупными волнами. Тротуар в тот вечер был пуст – только в отдалении шла, сгорбившись под общим зонтом, парочка. Их лиц не было видно – только затылки и склоненные спины.

– Вид у нее напряженный. – Тристан взгляделся в снимок. Джоанна хмурилась с фотографии, явно глубоко погруженная в свои мысли, и мертвой хваткой вцепилась в ремень висящей на плече сумки.

– Дорогу она бы перешла здесь, – предположила Кейт, наблюдая, как последние пешеходы торопливо бегут по переходу. – Как вообще эта многоэтажная парковка выглядела? Туда можно было зайти с этой стороны дороги?

– Ага. Въезд для машин был чуть подальше, – Тристан махнул рукой, указывая куда-то примерно в центр многоквартирного дома. – А чтобы войти пешком, нужно было зайти в маленькую дверку справа.

Наконец зажегся зеленый свет, и Кейт медленно двинулась вперед, объезжая здание.

– Парковка эта была сущим кошмаром, – продолжал Тристан. – Просто залитая бетоном площадка. Пару раз здесь парковалась моя мама, и я каждый раз пугался до чертиков. На лестнице вечно ошивались наркоманы – то еще удовольствие, если нужно идти до машины в темноте. Окон не было, просто прямоугольные отверстия в бетоне. У парковки было шесть этажей, и за все время ее существования с крыши успели спрыгнуть несколько самоубийц. К тому времени, как тут все снесли, большинство народу уже пользовалось парковкой, принадлежащей Национальному автопарку – мы сейчас ее проедем, она стоит чуть подальше. Ну или парковкой у торгового центра «Гильдхолл» – это на другом конце улицы.

– Если Джоанна успела перейти улицу, значит, логично предположить, что напали на нее уже на парковке. По вечерам здесь много машин, так что если они были внутри, шум с улицы должен был заглушить звуки борьбы, – задумчиво произнесла Кейт, рассматривая фотографию, лежащую на коленях у Тристана. Ее пробрала дрожь при мысли о том, что эту девушку на снимке от смерти отделяет всего несколько минут.

Они доехали до конца улицы, оказавшись неподалеку от маленького парка. Дорога свернула, огибая парковку Национального автопарка и здание театра «Корн-Эксчейндж», и из-за поворота вырос кафедральный собор.

– Было рискованно нападать на нее прямо здесь, – сказала Кейт. – Джоанна жила в крошечной деревне далеко от города. Каждый день она ездила через весь пригород, чтобы добраться до работы. Если бы я хотела кого-нибудь незаметно устранить, я бы точно не стала это делать в центре Эксетера, да еще и рядом с оживленной улицей. Я бы подкараулила ее в пригороде. Столкнула бы машину с

дороги, например. Когда мы сюда ехали, то почти никого не встретили, и вряд ли в 2002 году этим шоссе пользовались чаще.

– У той парковки ведь не было камер наблюдения? – поинтересовался Тристан.

– Нет. Только та камера, на которую засняли Джоанну, но с нее парковки не видно. Следующая камера наблюдения – рядом с театром, сразу за поворотом.

– Ага, но между парковкой и театром полно переулков, куда можно свернуть, и тогда тебя никто не заметит.

Они двинулись к дороге, ведущей прочь из Эксетера – Кейт возвращалась в Эшдин. Ей хотелось еще раз просмотреть материалы дела – документов было так много, что требовалось время, чтобы как следует уложить все в голове.

– Надо бы найти ее коллег из «Вест-Кантри Ньюс», – сказала она. – И еще редактора. Не думаю, что следователь Фетерстоун особо допытывался, над чем именно работала Джоанна незадолго до исчезновения. И насколько я помню, говорили с ним всего один раз... Как там его вообще звали?

– Эшли Харрис, – напомнил Тристан.

– Да, точно. Еще нужно поговорить с подругой Джо, Марни. И с Фамке. Может, мы лучше поймем, какие были отношения у Фреда и Джоанны. А может, и про алиби Фреда узнаем что-нибудь новое.

Тристан перевел на Кейт вопросительный взгляд.

– Ты правда считаешь, что это мог быть Фред?

– Просто хочу учитывать все возможности. – Кейт кивнула на фото, все еще лежащее на коленях Тристана. – В материалах дела указано, что Джоанна выключила рабочий компьютер в пять тридцать. На снимке с камеры указано время – пять часов сорок одна минута. Что, если Фред приехал подвезти ее домой? Она бы без проблем поехала с ним. Предположим, он как-то незаметно подбросил телефон под ее машину... Ладно, тут пока не сходится. Но если Джоанна поехала бы с ним сама, у него было целых десять километров по

пустынному пригороду, где можно убить человека и спрятать тело, а потом вернуться домой. От Аптон-Пайна до Эксетера не так уж долго ехать, он бы быстро с этим покончил.

– Сосед сказал, что машина Фреда все это время стояла во дворе. Уехал он только в полвосьмого, когда отправился искать Джоанну, – возразил Тристан.

– Черт. Точно. Ты прав. Ладно, давай возьмем перекусить и изучим материалы дела повнимательнее.

Глава 8

Домой Тристан добрался только к семи вечера. Весь день они с Кейт корпели над материалами дела, тщательно восстанавливая, чем именно Джоанна занималась в тот злополучный день седьмого сентября. А вот найти контакты Фамке им так и не удалось, хотя получилось отыскать доктора, на которого она работала тринадцать лет назад. Сейчас он работал хирургом в Суррее, и они с Кейт написали ему письмо на электронную почту.

Квартира Тристана располагалась на первом этаже дома, стоящего прямо перед широкой аллеей с видом на море. Тристану это место очень нравилось – особенно потому, что в любой момент он мог перейти дорогу и оказаться на пляже. Единственное, к чему он еще до конца не привык – это к своему соседу по квартире.

Гленна он нашел на кухне: тот жарил в большом воке что-то китайское. Роста Гленн был высокого и обладал внушительной мускулатурой и поистине выдающимся подбородком, который покрывала извечная темная щетина. Над пристально глядящими глазами нависали густые кустистые брови. В целом вид у Гленна был донельзя угрожающий, но едва Тристан вошел на кухню, как тот расплылся в искренней улыбке и тут же стал похож на дружелюбного плюшевого мишку. Очень большого плюшевого мишку.

– Даров, дружище, – поздоровался он. – Я уже почти закончил.

– А что это? – поинтересовался Тристан. От густого запаха специй и меда рот мгновенно наполнился слюной.

– Делия Смит.

– Я смотрю, ты ее очень мелко порубил.

– Да нет, это ее фирменное блюдо. Свинина ханг-шо с жареными овощами. – Гленн шутку явно не понял. – Думаю, тут и на двоих хватит.

– Спасибо, не стоит. Я все равно собирался пойти выпить с другом в паб.

Гленн жил здесь уже месяц, но они так толком и не познакомились: сам Гленн работал посменно охранником в тюрьме, а Тристан вообще был вынужден совмещать две работы сразу, так что времени на дружеское общение было немного.

Тристан быстро забежал в душ, а когда он вернулся спустя десять минут, кухня уже была пуста, а стол тщательно протерт – только тихо гудела запущенная посудомоечная машина. Он не знал никого, кто ел бы быстрее Гленна: иногда казалось, что он глотает пищу и вовсе ее не жуя.

– Пока! – крикнул Тристан, но ему никто не ответил. Так что он просто проверил, не забыл ли он телефон и ключи, и вышел из квартиры.

Эшдин был студенческим городком, и хоть сейчас в университете был разгар экзаменов, на пляже было полным-полно народу. Было еще светло, и до заката оставалась добрая пара часов, но какая-то компания студентов уже успела развести костер из прибитого к берегу прибором плавника.

Вокруг находилось великое множество самых разнообразных пабов и баров, стоящих вперемежку с жилыми домами. Виднелась и пара отелей, от которых так и веяло атмосферой пансионатов пятидесятих годов. Тристан жил на северном конце побережья, недалеко от здания университета – в этом месте аллея круто изгибалась, следуя линии пляжа, а затем поворачивала еще раз и перетекала в проспект.

Сейчас путь Тристана лежал прочь от университета. Он прошел мимо пары пабов, заполненных ужинающими посетителями, направляясь вниз по улице – к заведению под названием «Голова вепря», расположившегося у самых скал. Это был маленький паб, но внутри имелась настоящая маленькая сцена, где за пультом управления стоял диджей по имени Пит. В данный момент он крутил испанский кавер песни «Сильный прилив». Хотя и пришел Тристан довольно равно, у барной стойки уже толпились люди – от совсем юных до уже пожилых.

А вот и его друг Эд – играет в древний игровой автомат «Кто хочет стать миллионером?». Эд был крупным мужчиной лет пятидесяти, и одет он был в мешковатые джинсы, простую белую футболку и дутый оранжевый жилет. Его длинные темные волосы блестящей волной ниспадали на плечи, а улыбка пряталась в густых зарослях бороды.

– Привет-привет, мисс Марпл. – Эд оторвался от игрового автомата, чтобы заключить Тристана в объятия. Мисс Марпл – это, конечно, Тристан: такое прозвище ему придумал Эд, прознав, что он работает частным детективом. – Давненько не виделись. В Сэнт Мэри Мид выдались тяжелые деньки?

Сэнт Мэри Мид – это деревня, в которой жила мисс Марпл. Тристан решил пропустить это мимо ушей.

– Мы взялись за новое расследование – ищем пропавшего человека. Дело очень сложное. А что ты пьешь? – поинтересовался он.

– Спиртное, мисс Марпл! – возвестил Эд, высоко поднимая свою пустую кружку. – Принеси мне еще светлого лагеря.

Тристан отправился к барной стойке – за лагером для Эда и кружкой «Гиннеса» для себя. Вскоре они уже потягивали пиво, сидя за столиком.

Подружились они быстро. Почти каждый вечер Эд пил в «Голове вепря», и о встречах они никогда специально не договаривались – просто как-то так сложилось, что пару раз в неделю они встречались, чтобы пропустить стаканчик.

Целых двадцать пять лет Эд служил в полиции, но после того, как попал в одну неудачную заварушку, начал страдать от посттравматического стрессового расстройства. Так что в пятьдесят лет ему пришлось досрочно уйти на пенсию, и

теперь он посвятил себя тому, чтобы написать научно-фантастический роман. Три года назад, когда Тристан впервые открыто признался, что он гей, Эд вроде как взял его под свое крыло – так и началась их дружба.

– Ты когда-нибудь работал над делом об исчезновении Джоанны Дункан? – спросил Тристан. Эд сделал большой глоток из кружки.

– Нет. А кто это?

Тристан был уверен, что все-таки что-то он должен был слышать.

– Журналистка из «Вест-Кантри Ньюс». Пропала в сентябре 2002 года.

– Да, припоминаю. Я тогда работал в полиции нравов, в отделе, отвечающем за Девон и Корнуолл. Знаю, все думают: кому в Девоне и Корнуолле может понадобиться полиция нравов? Но я клянусь, насилия и всевозможных скандалов в этих скучных графствах ничуть не меньше, чем во всей остальной стране.

– Я вот что хотел спросить: ты в то время не слышал каких-нибудь слухов о парне по имени Ной Хантли? Он тогда был местным депутатом парламента. Выиграл на выборах в девяносто втором, а десять лет спустя его уволили из-за скандала со взяточничеством.

Эд отпил еще один большой глоток из кружки и задумчиво приподнял брови.

– Знаю, что он двадцать лет счастливо жил со своей женой, но ночи предпочитал проводить с симпатичными юношами. А что такое, мисс Марпл? Хочешь попросить у него номер телефона?

– Ничего подобного.

Тристан принялся объяснять, что Джоанна Дункан и была той журналисткой, что положила конец его карьере, и что она пыталась раскопать историю об его отношениях с мужчинами, но ее расследование так и не опубликовали.

– Ладно. Ты вроде рассказывал о Ное Хантли?

– Нет, я рассказывал, что Лорна Лафт – внучка Джуди Гарланд. Только не говори, что ты не в курсе, кто такая Джуди Гарланд.

– Да в курсе я.

– Не знаю, почему ему вообще взбрело в голову изображать Лорну Лафт. Я ему говорил: «Ты должен поверить в себя. Будь Лизой». На прошлый Хэллоуин, кстати, у меня был похожий спор с другой драг-квин. Она оделась как Тэймар Брэкстон.

– Так вот, – нетерпеливо произнес Тристан, стараясь вернуть беседе прежний курс. – Ной Хантли. Ты увидел его в гей-клубе «Перечная мята» в августе 1997 года?

– Нет, не в клубе. Я был патрульным, помнишь? И по маршруту нам нужно было пройти за клубом, через старый пустырь рядом с подземным переходом. Вокруг – никаких следов цивилизации, только кустарник и сухая трава, половина уличных фонарей разбита, а половина еле работает. А у тротуара припаркована дорогушая машина. Нам говорили, что сегодня ребята собираются накрыть банду наркоторговцев, так что я подумал, может, это они? Это был большой автомобиль, «БМВ». В общем, мы отошли чуть в сторонку, и моя напарница, забыл, как ее зовут, позвонила в участок, чтобы пробить номер машины. Оказалось, что принадлежит она Ною Хантли. Мы подошли поближе, заглянули в окно – а там наш член парламента, а с ним – Джордж, парнишка, который работал в «Перечной мяте».

– Они занимались сексом?

Эд закатил глаза.

– Да, Тристан. Занимались сексом. Ну или им приспичило раздеться догола и как следует отработать прием Геймлиха.

Тристан рассмеялся.

– И что ты сделал?

– Ну, я постучал в окно. Потом мы отошли назад и подождали немного, чтобы они смогли привести себя в порядок. Спустя пару минут Ной открыл дверь. Тут этот бармен, Джордж то есть, говорит: «Приветики, Эд», а сам никак не может застегнуть ремень на штанах. Как ты понимаешь, ситуация была неловкая. Я сказал им уматывать отсюда и напомнил, чтобы они были поосторожнее. Все-таки это нарушение общественного порядка.

– Почему ты их не арестовал?

– Тогда на выборах только что победили лейбористы, и отношение к геям круто поменялось. К тому же это было безлюдное место, а на дворе стояла глубокая ночь. Да и Ной весь трясся и очень раскаивался. Если бы он попытался нас запугать или давить авторитетом, был бы другой разговор. Мы бы его живо скрутили и доставили в участок.

– А ты все еще поддерживаешь связь с тем барменом? С Джорджем? – спросил Тристан.

– У нас с ним никакой связи не было. Я иногда с ним виделся, но спустя пару лет после той встречи он куда-то исчез, – сказал Эд.

– В каком это смысле исчез?

– Бесследно испарился.

– Полиция как-то расследовала это дело?

– Да нет, конечно. Ходили слухи, что он подцепил себе парня, у которого водилось немного денег, и попросту сбежал. Джордж сильно задолжал за аренду. Еще ходил слухок, что Джордж ступил на дорогу древнейшей профессии этого мира, но у Ноя Хантли он вроде денег не брал. По крайней мере, так он говорил.

– А полное имя Джорджа ты не помнишь?

Задумавшись, Эд глотнул пива.

– Просто Джордж. Он родом из Испании и, когда мы познакомились, всего несколько лет как переехал. Фамилию не помню, но может, у меня сохранилось его фото с той маскарадной вечеринки. Социальных сетей, сам понимаешь, тогда не было, а телефона я его никогда не знал. Не уверен, что он у него вообще был. Зарплату он получал на руки, так что официально устроен он тоже не был. Я в то время знал много таких парнишек, кто сбегал из города, чтобы не отдавать долги.

– А ты помнишь, когда он пропал?

– Черт возьми. Вроде как через несколько лет. В двухтысячном он еще точно был здесь, потому что я помню, как мы встретились на новогодней вечеринке... Может, год или два спустя? Летом 2002 года.

– Ты не знаешь, Ноя Хантли когда-нибудь арестовывали? Или, может, у него есть привод в полицию?

Эд покачал кружкой, собирая со стенок последние капли пива, и одним махом осушил ее до дна.

– В девяносто седьмом он точно был чист. Я потом проверял, не ловили ли его с каким-нибудь мальчиком и раньше. А что, ты думаешь, он как-то связан с этой Джоанной Добсон...

– Джоанной Дункан, – поправил Тристан.

– Думаешь, он как-то замешан в ее исчезновении?

– Не знаю. Что, если она знала, что Хантли скрывает, что он гей? Что он порой снимает себе кого-нибудь на ночь?

Эд покачал головой.

– В то время, как Джоанна Дункан пропала, уже можно было не бояться быть геєм, да и из политики Ной Дункан ушел. Да он, скорее всего, зарабатывал втрое больше прежнего. Колеси себе по миру, цепляй симпатичных испанских барменов и делай что хочешь. Если бы правда вскрылась, никто бы не стал его

преследовать, чтобы сделать семейное фото Хантли, его жены, детишек и лабрадора с подписью «семья извращенца».

– Да, ты прав, – пробормотал Тристан. – Я просто уцепился за идею, что он заставил Джоанну исчезнуть, боясь, что эта статья увидит свет.

– А что, если ее статья была совсем не об этом? – спросил Эд.

Глава 9

Тристан ушел, и Кейт тоже уже засобиралась. Она как раз заперла дверь офиса на замок, как вдруг вспомнила, что завтра с утра должны привезти чистое постельное белье для трейлерной стоянки, а в офисе тем временем творится сущий бедлам, по всем свободным поверхностям валяются материалы дела.

– Да чтоб тебя, – пробормотала Кейт. В своих мечтах она уже удобно устроилась в кресле с чашечкой чая и свежим тостом.

Пришлось доставать ключ и открывать дверь.

Первым делом она по-быстрому сдвинула коробки к правой стене. Ей везли запас белья на три месяца вперед, которого должно было хватить на восемь трейлеров, так что места понадобится много. Подумав, она поставила коробки одна на другую, в штабель по три. Хорошо, что Джейк возвращается через две недели. Как ей его не хватает! Он приедет домой на целое лето, поможет ей с трейлерной стоянкой, и ей больше не придется самой разбираться с постельным бельем.

Последней Кейт убрала голубую коробку. Она была не из полицейского архива – эту коробку забрали из редакции, и в ней Джоанна хранила свои наброски статей, важные документы и дневники. Словом, обычная коробка из канцелярского магазина, сделанная из блестящего голубого картона. Уголки были обиты железными заклепками, чтобы картон не помялся. Кейт потянулась за крышкой, и когда яркий электрический свет отразился от ее блестящей поверхности, Кейт заметила на ее внутренней стороне вдавленные очертания

букв.

Она пригляделась повнимательнее, пытаясь поймать верный угол света, чтобы прочитать написанное, но точно смогла установить только одно: кто-то написал три строчки текста, используя крышку от коробки в качестве планшета для бумаг.

Кейт перевернула крышку и внимательно изучила ее внешнюю поверхность, но нашла только несколько царапин и вмятин, и никаких следов букв. Она взглянула на саму коробку: на ярлычке поблекшими синими чернилами было написано «Заметки 6/2001 – 6/2002».

С крышкой от коробки в руках Кейт направилась к картотечным шкафам – там было больше всего света. Она включила яркую настольную лампу и, по-разному поворачивая крышку, попыталась разобрать буквы. Кое-что ей разглядеть удалось, но в слова они никак складываться не хотели.

Тогда Кейт потянулась за своим телефоном. Недавно она купила айфон, и Джейк продемонстрировал ей все возможности его камеры. Вполне вероятно, на фотографии проявится то, что у нее не получается увидеть своими собственными глазами.

Кейт сделала несколько снимков, но особенной разницы не обнаружила. Не желая сдаваться, она перекинула фотографии на макбук, открыла графический редактор и принялась возиться с настройками обработки изображения – подтянула контраст, повысила резкость, убрала шум. Что означают последние две настройки, Кейт догадывалась весьма смутно, но подвигав немного ползунки взад-вперед, она добилась результата. Тени стали глубже и насыщеннее, и надпись на крышке различить стало гораздо проще.

– Черт возьми! – восхищенно произнесла она. Написано было следующее:

«абрать в десять утра или позже? Сделано

Дэвид Ламб

Гейб Кемп

Встреча у продовольственного грузовика 07980746029»

Кейт сохранила изображение и тут же распечатала фотографию на принтере, а затем ввела в поисковую строку оба имени. Быстро выяснилось, что в мире живет полным-полно людей по имени Дэвид Ламб и Гейб Кемп.

На часах было всего полвосьмого, так что Кейт решила попробовать позвонить по телефонному номеру. Механический голос сообщил, что данный номер больше не обслуживается.

В конце концов Кейт решилась позвонить Бев. Та быстро подняла трубку и нетрезво поздоровалась. Наверное, стоило все-таки подождать утра, но Кейт очень не терпелось приступить к делу.

– А, Кейт, привет. Все хорошо? – Голос ее звучал гулко и глухо, словно она говорила из очень маленькой комнатки со звучным эхо.

– Простите, что беспокою. Я хотела спросить – может, вам знакомы эти имена? Дэвид Ламб и Гейб Кемп. Не помните таких?

Бев помолчала в трубку, затем послышался звук льющейся воды. Может, она была в уборной? В голове всплыл образ замызганного туалета с потрескавшейся плиткой и потеками воды на стенах, хотя, конечно, в их салькомбском доме ничего подобного и быть не могло. Везде только мрамор и высоченные белые потолки.

– Извини, дорогуша, но нет. Не помню, чтобы у Джо были друзья или коллеги с таким именем.

– Эти имена были написаны внутри коробки с вещами Джоанны – ту, где она хранила свои документы и заметки. Она еще подписала эту коробку, и почерк вроде бы совпадает.

– Ясно, – несколько недоуменно ответила Бев.

– Я решила, что Джо подложила крышку под листок бумаги, чтобы что-то записать. Хотя... Коробка ведь лежала в архиве полиции кучу лет. Можно я пришлю вам фотографию, а вы скажете, Джоанна это написала или нет?

– Ладно.

Кейт отправила отредактированное фото Бев и спустя секунду услышала тихое звяканье на другом конце провода – это дошло сообщение.

– погоди секунду, дорогуша... – В динамике что-то заскрежетало, а затем раздался громкий стук – это Бев уронила телефон на пол. Вскоре снова зазвучал ее голос. – Да, это почерк Джо, – с дрожью в голосе подтвердила она. – Значит, ты нашла зацепку?

– Возможно.

– Ты думаешь, эти люди как-то связаны с ее исчезновением?

– Пока не знаю. Я эту запись только что нашла... – Кейт замолчала, пытаясь придумать для Бев какое-нибудь утешение. – Понадобится время, чтобы во всем этом разобраться, но клянусь, мы делаем все возможное.

Да уж. Прозвучало это до ужаса официально.

Бев вздохнула.

– Я только что поругалась с Биллом. Он вылетел из дома как ошпаренный и куда-то уехал. Я хотела поехать за ним, но я ведь только что выпила добрую половину бутылки шампанского...

– Мне очень жаль.

– Ну да. Не все всегда ладится. В конце концов, мы никогда раньше не жили вместе, так что это большой стресс... Ты же позвонишь мне, как только узнаешь, что это за имена?

– Конечно, – сказала Кейт.

– Хорошо. Я уже перечислила на твой счет задаток за работу. Воспользовалась интернет-банком.

– Спасибо.

– Что ж, сегодня я буду сидеть дома. – Бев невесело рассмеялась. – Знаешь, я каждый вечер просто сижу дома. Сейчас я открою вторую бутылку, чтоб ее черти побрали, и сяду с ней перед телевизором. И тут нет гребаных занавесок. Знаю, мне не на что жаловаться, но я правда скучаю по своим занавескам. Тут везде эти здоровущие окна. Куда ни посмотри – сплошное море. Знаю, сюда никому не забраться, но я постоянно чувствую, что кто-то за мной подглядывает.

– Вам кажется, снаружи кто-то есть?

– Да нет там никого. До соседских домов несколько сотен метров, а если какой рыбак и решит подсмотреть за мной в телескоп, что он там разглядит? Будет смотреть, как я напиваюсь под мыльную оперу? Просто... Такой вот я человек. Я люблю, когда занавески задернуты. И свою уютную комнату я тоже любила. Ладно, Билл вернется, когда он немного остынет. Ты ведь уже ужинала?

– Пока нет. Но думаю сделать себе тост с яйцом.

– Звучит неплохо. Особенно если добавить чуточку вустерширского соуса. Ладно, не буду тебя больше задерживать. Только позвони мне, когда что-то узнаешь, ладно? В любое время звони. Доброй ночи, дорогуша.

– Доброй ночи.

Кейт отложила телефон в сторону. Какой же одинокой и потерянной казалась Бев... Ее слова так и крутились в голове, отзываясь эхом из прошлого.

Бутылка вина. Потом еще бутылка вина, и еще. Пробка выскакивает из горлышка с ласкающим слух хлопком. Богатый, насыщенный вкус красного вина, то, с каким восхитительным звуком в стакан стекают первые капли...

В группе анонимных алкоголиков ее поручителем была Мира. Когда она умерла, Кейт так и не нашла себе другого поручителя на замену, хотя на встречи

исправно ходила.

Усилием воли Кейт засунула в самый дальний угол мысли о большом бокале хорошего красного вина, села за компьютер и принялась прочесывать интернет в поисках Дэвида Ламба и Гейба Кемпа.

Глава 10

«Гордость пивовара» – это небольшой гей-бар, расположившийся на берегу канала в Торки, километрах в тридцати от Эшдена. Когда-то здесь и правда была пивоварня, так что здание выглядело по-старинному красиво: к входу вела длинная галерея арок, сложенных из кирпича, в канале плескалось садящееся солнце, отбрасывая на воду оранжевые блики. В этот понедельник здесь было тихо и немногочленно.

Вот к двери подошел Хайден Окли и приветственно улыбнулся стоящему у входа вышибале. Вышибала, коренастый мужчина с искривленным носом настоящего боксера, улыбнулся ему в ответ и отступил в сторону, давая пройти внутрь.

Хайден перешагнул порог и оказался в полумраке, наполненном пульсирующей музыкой, жаром человеческих тел и свежим ароматом мужского одеколона, смешанным с витающим в воздухе запахом чего-то сладковато-химического. Если ты хочешь кого-то подцепить – тут для этого лучшее место. За столиками у барной стойки уже рассредоточилась группа мужчин постарше, и перед каждым стояло ведро со льдом, в котором покоилась бутылка шампанского. Они жадно пожирали взглядами танцпол – точь-в-точь рыбаки, выжидающие, когда же на крючок клюнет рыбка. Там, на маленькой сцене, извивались в танце парнишки помоложе, и на их коже плясали яркие отблески света, отражающегося от диско-шара.

Дверь за спиной Хайдена захлопнулась, и все тут же обернулись к нему, словно по команде. Хайден был высоким худощавым мужчиной спортивного телосложения с гладким, пожалуй даже смазливym лицом. Вряд ли у кого-то из этих парней водятся деньги, рассудил про себя Хайден. Разве что, может, завалюсь несколько фунтов. Но перспектива провести ночь с худеньким двадцатилеткой и их заставит раскошелиться на парочку коктейлей.

К счастью, в баре сидел именно тот, кого Хайден надеялся встретить. Встретившись с ним взглядом, он радостно улыбнулся. Этого парня звали Том. Одет он был в простые джинсы и обтягивающую футболку, а на голове красовалась бейсбольная кепка, прикрывающая длинные темные волосы до плеч. Том был далеко не самым симпатичным мужчиной на свете, но зато у него был привлекательный вид потрепанного жизнью гетеросексуала, – и что куда более важно – у него действительно водились деньги. Том был, пожалуй, единственным мужчиной в этом баре, на чьем столике стояла бутылка приличного шампанского.

Встретились они на прошлой неделе. Том тогда взял в баре бутылку винтажного шампанского, и под нее они проболтали пару часов – только флирт, ничего больше, хотя Хайден под конец и намекнул ему на возможное продолжение. Но только намекнул. В этом вся и суть – нужно немного изобразить из себя недотрогу, это всегда работает.

Работал Том то ли финансистом, то ли бизнесменом – в общем, что-то в этом духе. Чем бы он ни занимался, денег у него было полно.

– Привет, красавчик, – сказал Том, когда Хайден подошел поближе. Голос у него был мягкий, даже стеснительный. – Выпьешь со мной? – Он покачал в пальцах пока еще пустой бокал шампанского.

– Никогда не откажусь.

Хайден наклонился, чтобы поцеловать его, и рука Тома тут же легла ему на талию, притягивая поближе. Хайден мягко коснулся рукой его живота, ощутив ладонью крепкие мускулы, и вот он уже поглаживал его крепкую задницу. Пальцы натолкнулись на что-то квадратное и твердое.

Бумажник, лежащий в заднем кармане.

В прошлый раз Том вытащил целую пачку пятидесятифунтовых банкнот, чтобы расплатиться за их напитки, – а в этот раз, кажется, он принес с собой еще больше.

Хайден с улыбкой отстранился. Карие глаза Тома озорно блеснули в свете разноцветных отсветов, пляшущих по танцполу. Заиграла медленная музыка, и несколько парнишек перестали танцевать, закружили по бару, выискивая себе местечко. Трое уже успели найти спутника на вечер и теперь болтали, флиртовали и смеялись, не забывая подливать себе шампанского.

– Надеюсь, неделя у тебя выдалась хорошая? – спросил Том.

– Неплохая. Смотри, какие джинсы я купил, – Хайден задрал футболку, демонстрируя плоский живот и пояс своих новых джинс. У Тома немедленно загорелись глаза.

– Симпатично, – заметил он и залпом допил содержимое своего бокала.

Да тут даже стараться не придется, подумал Хайден. Проще простого.

К их столику, пританцовывая, приблизился паренек. Лицо у него было какое-то крысиное, а крашенные волосы – слишком уж темные для его светлой кожи. Хайден его знал – это был Карл. Разглядев лежащую в ведерке бутылку шампанского «Моет», он весь подобрался.

– А втроем повеселиться не хотите? – небрежным голосом поинтересовался он, словно всего лишь просил поделиться пачкой чипсов. Его расширенные зрачки полностью затопили радужку, в уголке рта притаился герпес.

Хайден отрицательно покачал головой.

– Да ладно. – Карл соблазнительно наклонился поближе. – Вы просто не знаете, каким плохим мальчиком я становлюсь после бокала шампанского.

Хайден повернулся к Тому спиной, чтобы тот не мог разглядеть его лица, наклонился поближе и прошипел:

– Вали отсюда, Карл. А не то я скажу вон тому вышибале, что ты мальчик по вызову, помогающий до клиентов.

– Все-все! Я же просто пошутил! – Глаза Карла расширились от ужаса. Он потянулся к своему телефону, пошатнулся на нетвердых ногах и поспешно отошел подальше, выбрав своей целью другого мужчину. Хайден слышал, что недавно Карла выставили вон из квартиры, и теперь он отчаянно пытался найти себе теплую постель на ночь.

Он снова повернулся к Тому.

– Что ты ему сказал? – спросил тот.

– Сказал ему притормозить немного. Он недавно снова ушел в запой. Хочешь, пойдем посидим? – Хайден кивнул в сторону низкого кожаного диванчика, примостившегося у соседней стены.

– Ну пойдем, – улыбнулся Том.

Еще с полчаса они болтали, попутно осушив бутылку шампанского. Говорил, впрочем, в основном один Хайден: рассказывал Тому о своей сумасшедшей соседке Эми, которая недавно перекрасилась из блондинки в рыжую, да еще и хной из магазина, и сразу после этого додумалась пойти поплавать в общественном бассейне.

– Это была чисто сцена из «Челюстей», – закончил историю Хайден. Том рассмеялся и разлил остатки шампанского по бокалам. – Я отлучусь на минутку? – добавил Хайден, поднимаясь на ноги и направляясь к уборной.

Туалеты в «Гордости пивовара» всегда действовали на него ошеломляюще. В самом баре было тепло и уютно от царившего там вечного полумрака. В туалете же ослепительно светили белые лампы, а воздух казался обжигающе-холодным. Моргая на ярком свете, Хайден подошел к писсуару и огляделся. В туалете было пусто.

Закончив, он вымыл руки и взгляделся в свое отражение в зеркале. Даже в неживом свете люминесцентных ламп он был чертовски хорош собой.

Глубоко вздохнув, Хайден вытер руки бумажным полотенцем и достал из кармана маленький пакетик с застежкой-молнией. В нем лежало четыре

таблетки перемолотого в порошок рогипнола.

Дверь вдруг резко распахнулась, и в туалет ввалился Карл, и Хайдену пришлось срочно прятать пакетик обратно в карман.

Карл выглядел нездоровым и под тусклыми лампами бара, а здесь, на ярком свете, он и вовсе казался ожившим трупом. Пошатываясь, он подошел к писсуару и резко расстегнул молнию джинс. Только сейчас Хайден заметил, что джинсы и кроссовки у него совсем грязные.

– Я знаю, что ты задумал, – сказал Карл, стряхивая последние капли и застегиваясь.

– И что же?

– Ты собираешься подсыпать что-то этому парню в бокал. А потом ограбишь, – нетвердо выговорил Карл и принялся приглаживать свои торчащие в разные стороны волосы.

На лице Хайдена не дрогнул ни один мускул.

– Карл, ты бы завязывал с метамфетаминами.

– Да неужели? – поднял он брови в ответ. – Я недавно перекинулся парой слов с одним пареньком из «Перьев». И он рассказал мне интересную историю о высоком блондине с голубыми глазами, северным акцентом и пирсингом прямо на головке члена. Он привел его к себе домой... А когда проснулся наутро, то этот блондин уже исчез, прихватив с собой всю наличку и кредитки. Мой новый знакомый считает, что ему что-то подсыпали в напиток. И знаешь что? Мы с тобой частенько сталкиваемся у писсуаров, так что я знаю, что говорил он о тебе.

Хайден немного помедлил, а затем стремительно схватил Карла за глотку и впечатал его в стену.

– Если я услышу, как ты об этом болтаешь, ты труп. Я не шучу, – произнес он, сдавливая пальцами ему кадык. – Я перережу тебе глотку, вскрою череп и брошу

в первой же подворотне. Такое с мелкими шлюшками случается постоянно. Никто и не заметит.

Карл только беспомощно таращил глаза, хрипел и задыхался. Спустя несколько секунд Хайден разжал руки и сделал резкий шаг назад. Кашляя и отплевываясь, Карл беспомощно рухнул на грязный мокрый пол, а Хайден просто развернулся и пошел прочь.

Услышав, как хлопнула дверь туалета, Том тут же поднял голову и радостно улыбнулся.

– Может, заказать еще бутылочку?

На его пальце блестело крупное золотое кольцо.

– А почему бы нам не поехать к тебе? – предложила Хайден, скользящим движением опустив руку на его бедро. Лицо Тома расплылось в застенчивой улыбке.

– Хорошо. Я припарковал машину у канала.

На улице уже стемнело, и Хайден разглядел машину Тома, только когда они подошли совсем близко. Его глаза удивленно расширились: перед ним стоял роскошный «Лэнд Ровер». Послышался писк сигнализации, и машина приветственно моргнула фарами.

– Она просто прекрасна, – произнес Хайден, поглаживая мягкую кожу своего кресла.

– Спасибо. Она совсем новенькая.

– Еще пахнет кожей. Люблю этот запах. Я вообще обожаю кожу.

– Ну, у меня дома кожаных вещей полным-полно. Давай пристегивайся, – улыбнулся Том. С урчанием завелся двигатель, и они двинулись к шоссе.

– А живешь ты где?

– У меня квартира на набережной. Это на другом конце города.

Хайден довольно улыбнулся. Он только что сорвал джекпот: такие квартиры стоят немногим меньше миллиона.

– Хочешь выпить? – спросил Том.

– В смысле – когда приедем?

– В смысле, сейчас, – он кивнул в сторону обитой кожей центральной консоли. – Открой и посмотри.

Хайден поднял крышку: внутри обнаружился мини-холодильник, в котором лежали крохотные бутылочки шампанского и кока-колы.

– Так у тебя в машине целый бар. Какой ты озорник, – заметил Хайден.

– Не люблю, когда мои друзья страдают от жажды.

Впервые за все это время он ощутил укол вины: Том оказался на удивление хорошим парнем. Отмахнувшись от не вовремя проснувшейся совести, Хайден выудил из холодильника бутылочку «Моет». Фольгу с нее уже кто-то снял, так что Хайден просто отвернул с пробки проволоку и откупорил бутылку с тихим хлопком.

– Внизу лежат соломинки, – сказал Том, выезжая на перекресток, ведущий к пустой автомагистрали.

Хайден достал бумажную соломинку и опустил ее в бутылку. Поглядывая одним глазом на дорогу, Том протянул руку:

– Дай-ка глотнуть. – Тот передал Тому бутылку, любуясь, как его губы обхватывают соломинку. – Чудесно.

Затем Хайден глотнул восхитительно холодного терпкого шампанского сам, и на него тут же нахлынуло старое чувство вины. Что, если судьба свела его с

действительно хорошим человеком? Может, он тот, кто ему нужен? Тот, кто будет любить его и заботиться о нем?

Они шутили и болтали о всяких глупостях еще минут пять. Дорога была пустынна – по пути им попался только маленький белый фургончик, тащившийся по медленной полосе.

Вскоре шампанское кончилось. Хайден поставил пустую бутылочку в держатель для стаканов, и вдруг на него нахлынула небывалая усталость. Голова закружилась, огни города замигали, отражаясь на сетчатке яркими вспышками, а язык онемел, словно под анестезией.

– Как тебе шампанское? Может, еще бутылочку? – спросил Том, бросив на него быстрый взгляд. Какая-то часть сознания Хайдена уже вовсю била тревогу, но даже страх ощущался как-то отдаленно, не в силах пробиться через толщу охватившей его апатии. Он попытался пошевелиться, но ноги стали тяжелыми и непослушными.

– Это точно было шампанское? – с трудом выдавил Хайден. Он скосил взгляд вниз и увидел, как изо рта ему на колени капает слюна.

– Шампанское, – со смешком подтвердил Том. – Просто с небольшой добавкой.

Хайден устало откинул голову на спинку кресла, и его тут же охватило неприятное чувство, словно его череп вот-вот засосет в кожаное нутро. Он с трудом выпрямился. Огни за окном слились в одну непрерывную сияющую линию.

– Знал ли ты, Хайден, что можно взять самый обыкновенный шприц и воткнуть его в бутылочную пробку? – Теперь Том казался совсем другим. Там, в баре, он напоминал большого добродушного мишку, застенчивого и неловкого. Теперь же взгляд его карих глаз ожесточился, а на лице проступило незнакомое, голодное выражение. – Сама пробка мягкая, ничего сложного. А вот дальше начинаются трудности. Видишь ли, когда ты уже ввел иглу внутрь, приходится бороться с давлением углекислого газа. Ты буквально чувствуешь, как он пытается вытолкнуть поршень шприца назад... Зато когда все закончено, пробка буквально запечатывается сама собой. Настоящее чудо. – Он рассмеялся, и этот звук эхом пронесся по салону машины.

Темно, никаких фонарей, подумал Хайден. Что они делают на автомагистрали? Том сказал, что он живет в городе, но из города они давно выехали.

Держать голову прямо становилось все труднее. Она перекатывалась с плеча на плечо, и он то и дело чувствовал холод оконного стекла на своей щеке, и это снова порождало в нем то самое странное чувство, словно он вот-вот провалится внутрь.

Том протянул руку и мягко взъерошил Хайдену волосы. Затем его пальцы вдруг сжались, и он вздернул его в вертикальное положение, прислонив затылком к подголовнику кресла.

– Сядь прямо.

Том взглянул в зеркало заднего вида, просигналил какому-то невидимому водителю, а затем съехал с автомагистрали. Куда – не понять, указатель превратился в сплошную мешанину расплывчатых букв. Темная проселочная дорога тут же проглотила машину целиком, и теперь Хайден видел только очертания полей и редких деревьев, подсвеченных ярким светом фар. В голове речитативом бился голос: «Открой дверь! Открой дверь и выпрыгни из машины!»

Но Хайден не мог и пошевелиться.

Вскоре они остановились на обочине. Том выключил фары, и машина погрузилась во мрак: в сплошной чернильной темноте только слабо светилась полоска автомагистрали. С тихим щелчком Том расстегнул ремень безопасности, затем натянул на руки латексные перчатки и навис над Хайденом, тщательно обыскивая. Вот он достал из его кармана мобильный телефон, и экран загорелся, осветив салон тусклым синеватым светом. Том отложил телефон в сторону, примостив на крышке мини-холодильника. Следующим он вытащил из кармана Хайдена маленький пластиковый бумажник, где он хранил банковскую карточку и одинокую десятифунтовую купюру, а затем он нашел пластиковый пакетик с белым порошком.

Хайден открыл было рот, чтобы объясниться, но язык едва шевелился, и из его горла донесся только слабый стон.

– Значит, слухи о тебе не врал, злобный ты говнюк, – проговорил Том, высоко подняв пакетик с порошком. Экран телефона погас.

Раздался шелест и треск. Глаза Хайдена постепенно привыкали к густому мраку, и когда очертания предметов обрели четкость, он увидел: Том уже открыл застежку на пакетике. В следующую секунду он схватил его за челюсти, чтобы разжать рот, и высыпал все содержимое на вялый, непослушный язык Хайдена. Том заставил его сжать челюсти, и во рту тут же стало невыносимо горько.

– Глотай, – приказал он. – Ну! Глотай!

На горло Хайдена легла тяжелая рука, сжимая глотку, и он непроизвольно сглотнул, морщась от горечи.

Том тем временем возился с приборной панелью. Вдруг кресло Хайдена наклонилось назад, и светящаяся полоска горизонта исчезла из виду – теперь он лежал горизонтально, уставившись в темный потолок. Затем моторчик зажужжал снова – это Том опустил спинку своего кресла, чтобы перебраться на заднее сиденье. Подсунув ладони под обмякшее тело Хайдена, он втащил его назад. Поначалу Хайдену показалось, что задние сиденья в этой машине просто огромные, но он быстро понял: нет, просто их спинки тоже опущены, чтобы обеспечить доступ к багажнику.

Том перевернул его на левый бок и быстро скрутил ему руки за спиной, перемотав запястья скотчем. Потом закатал низ джинсов и таким же образом связал лодыжки.

Клейкая лента неприятно холодила кожу.

Затем Хайдена перевернули на спину, и он тут же почувствовал боль в сцепленных за спиной запястьях. Что-то заскрежетало, и в поле его зрения возник Том, держащий в руках что-то длинное и изогнутое. Сначала Хайден с тревогой решил, что это какая-то секс-игрушка, но потом разглядел: это была небольшая пластиковая трубка с закругленным концом. Ротоглоточный воздуховод – его используют парамедики, чтобы дыхательные пути пациента оставались свободными.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/bryndza_robert/t-ma-padet

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)